

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. Ломоносова

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

БАКАЛАВРИАТ

«Влияние односторонних ограничительных мер государств на
международно-правовое регулирование права на справедливое судебное
разбирательство и права на владение имуществом»

Дипломная работа
студентки 415 группы
Чернавцевой Кристины Геннадиевны

Научный руководитель:
к.ю.н., доцент
Патрин Денис Александрович

Дата защиты: «___» _____ 2025 г.

Оценка: _____

Москва

2025 г.

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Международно-правовая защита права на справедливое судебное разбирательство и права на владение имуществом.....	6
§ 1.1. Международно-правовая защита права на справедливое судебное разбирательство.....	6
§ 1.2. Международно-правовая защита права на владение имуществом....	11
Глава 2. Понимание права на справедливое судебное разбирательство и права на владение имуществом при применении и оспаривании односторонних ограничительных мер.....	18
§ 2.1. Природа и законность односторонних ограничительных мер с точки зрения международного права.....	18
§ 2.2. Реализация права на справедливое судебное разбирательство в условиях применения односторонних ограничительных мер.....	42
§ 2.3. Реализация права на владение имуществом в условиях применения односторонних ограничительных мер.	65
Заключение.	77
Список использованной литературы.....	81

Введение.

Расширение использования санкций и односторонних ограничительных мер не позволяет оставить эту тему без внимания. Экономическая и политическая интеграция государств сопровождается конфронтацией их интересов, что проявляется в активном применении ограничительных механизмов. Одним из таких механизмов являются ограничительные меры, которые прямо или косвенно оказывают влияние на другие субъекты международного права в виде ограничения межгосударственных отношений, ограничения привилегий отдельных лиц или применения мер ответственности по отношению к отдельным лицам.

Актуальность этой темы обусловлена интенсификацией применения института. При этом, она сочетается с отсутствием централизованного и эффективного правового регулирования и устареванием правовой базы. Более того, совокупность указанных факторов провоцируют нарушения международного права, в частности международных обязательств по соблюдению и защите прав и свобод человека. С этим связан запрос мирового сообщества на обновление и совершенствование нормативного регулирования.

Вопросы природы, статуса и места односторонних ограничительных мер в международном публичном праве довольно часто поднимаются в научной литературе как отечественных, так и зарубежных авторов. Особое внимание привлекает рассмотрение указанного института в контексте соблюдения и защиты прав человека, что является индикатором актуальности проблемы. Тем не менее, настоящая тема характеризуется отсутствием четких и однозначных выводов и наличием разнонаправленных позиций, что свидетельствует о необходимости ее дальнейшего изучения. В своей работе мы будем опираться на труды К.В. Крицкого, С.В. Маринича, М.Г. Дораева, И.И. Лукашука, Ю.Н. Жданова и других.

Объектом этой научной работы являются правовые отношения, складывающиеся в связи с применением санкций и односторонних ограничительных мер, а также их влияние на соблюдение государствами

международно-правовых обязательств по соблюдению права на справедливое судебное разбирательство и права на владение имуществом.

Предметом работы следует считать международно-правовые аспекты регулирования соблюдения права на справедливое судебное разбирательство и права на владение имуществом в условиях применения государствами односторонних ограничительных мер.

Цель курсовой работы – оценить выполнение государствами обязательств по соблюдению вышеупомянутых прав человека при реализации односторонних ограничительных мер.

Задачами этой работы являются:

- Рассмотреть существующие нормы международного права, направленные на защиту права на справедливое судебное разбирательство и права на владение имуществом.
- Сформулировать понятие односторонних ограничительных мер.
- Решить вопрос о соответствии ограничительных мер международному праву.
- Сделать выводы о влиянии ограничительных мер на осуществление упомянутых прав человека, в том числе на основе примеров практики отдельных государств.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы, в частности, диалектический, исторический, информационно-логический, структурно-функциональный; общелогические методы теоретического анализа, а также частнонаучные методы: сравнительно-правовой, метод технико-юридического анализа, толкования и др.

Структура настоящей научной работы основана на поставленных задачах. Первая глава посвящена общим вопросам международно-правовой защиты обозначенных прав. Вторая глава направлена на изучение природы ограничительных мер и оценки их соответствия международному публичному праву. Далее будет проведено исследование влияния упомянутого института

на осуществление рассмотренных в первой главе прав человека. Выводы, сделанные в результате исследования, приведены в заключении к работе.

Глава 1. Международно-правовая защита права на справедливое судебное разбирательство и права на владение имуществом.

§ 1.1. Международно-правовая защита права на справедливое судебное разбирательство.

Прежде чем, начать анализ влияния односторонних ограничительных мер на фундаментальные права человека видится целесообразным осветить, в чем заключается международно-правовая защита права на справедливое судебное разбирательство и на владение имуществом.

Право на судебную защиту нашло закрепление в ст. 8 Всеобщей декларации прав человека 1948 года. Последующие статьи декларации, дополняя вышеупомянутое положение, по сути, раскрывают составляющие права на справедливое судебное разбирательство, перечисляя его процессуальные гарантии. Так, в ст.ст. 9-11 отражены следующие принципы: запрет произвольных мер принуждения, равенство, гласность, справедливость, беспристрастность суда, презумпция невиновности, законность. Фундаментальный и основополагающий характер этих принципов подтверждается их закреплением в иных документах (см. далее), посвященных защите прав человека, что, к тому же, подчеркивает их универсальность.

Документом, закрепляющим конкретизирующие положения к рассмотренным выше статьям Всеобщей декларации прав человека, является Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года. Он содержит более широкий список гарантий реализации права на справедливое судебное разбирательство, в частности, ст. 14 помимо перечисленных выше гарантий, упоминает право на защиту, право на помощь переводчика, свидетельский иммунитет, возможность пересмотра решения и др. Следовательно, установлен правовой стандарт права на справедливое судебное разбирательство, служащий индикатором для оценки защищенности этого права на национальном и международном уровнях.

Следует отметить, что этот правовой стандарт кочует из документа в документ, поскольку аналогичные положения встречаются в ряде международных договоров. Например, элементы права на справедливое судебное разбирательства закреплены в Женевских конвенциях 1949 г. и Дополнительных протоколах к ним¹, Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г.², Римском Статуте Международного уголовного суда 1998 г.³.

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. - региональный акт, наиболее полно отражающий содержание права на справедливое судебное разбирательство. Ст. 6 закрепляет упомянутые выше элементы, особо стоит отметить необходимость немедленного, подробного и понятного уведомления о предъявленном обвинении. Также, ряд элементов отражены в Дополнительных протоколах к Конвенции⁴. Кроме того, стоит

¹ Женевская конвенция об обращении с военнопленными (третья Женевская конвенция) (Женева, 12 августа 1949 года), ст.ст. 99-108 // СПС КонсультантПлюс. URL:

<https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15249&cacheid=BE4CBB38DEA124B12358B9B5320C72C5&mode=splus&rnd=pvnPI6V6tKvRogvJ#bksPI6V3TEAK1X8J> (дата обращения: 01.03.2025);

Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) (Женева, 8 июня 1977 года), ст. 75 // СПС КонсультантПлюс. URL:

<https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=7119&cacheid=08C79ABBE8B78E1F1191D8C0CB3A611D&mode=splus&rnd=6DhPNQ#JnsQI6VYBVyZYIMv1> (дата обращения: 01.03.2025);

Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол II) (Женева, 8 июня 1977 года), ст. 6 // СПС КонсультантПлюс. URL:

<https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15493&cacheid=08C79ABBE8B78E1F1191D8C0CB3A611D&mode=splus&rnd=6DhPNQ#dUDRI6VgV1Wh1d001> (дата обращения: 01.03.2025).

² Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1984 года), ч. 3 ст. 7 // СПС КонсультантПлюс. URL:

<https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15041&cacheid=CA23EA137222C929C81CC4B2235D3858&mode=splus&rnd=6DhPNQ#iPeRI6VCOAcTBRAF2> (дата обращения: 01.03.2025).

³ Римский статут Международного уголовного суда. Заключительный акт Дипломатической конференции полномочных представителей под эгидой ООН по учреждению Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. // СПС КонсультантПлюс. URL:

<https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=4226&dst=1000000001&cacheid=A3B71A5819F03316F365E5B931CC8C0A&mode=splus&rnd=6DhPNQ#P5zRI6VmlslzaAv3> (дата обращения: 01.03.2025).

⁴ Например, см. Протокол №6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни, г. Страсбург, 28.IV.1983 г. // СПС КонсультантПлюс. URL:

<https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=5397&cacheid=5A9F8A92D13CCDB5248AE2A735EC0A46&mode=splus&rnd=6DhPNQ#0J0TI6VM1r1GwLyS1> (дата обращения: 01.03.2025); Протокол №7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, г. Страсбург, 22.XI.1984 г. // СПС

КонсультантПлюс. URL:
<https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=5398&cacheid=7BDF116328C93A1D97EBA>

отметить регулирование, содержащиеся в ст. 7 Африканской хартии прав человека и народов 1881 г. и ст.ст. 8-10 Американской конвенции о защите человека 1969 г.

Хартия Европейского союза об основных правах 2007 года посвящает процессуальным правам отдельную главу – Глава VI Правосудие. В отличие от рассмотренных выше формул, ст. 47 Хартии прямо закрепляет право на доступ к суду, что, также, следует признать элементом права на справедливое судебное разбирательство, поскольку в его отсутствие исключается возможность воспользоваться иными составляющими рассматриваемого права, которые получают возможность реализации только в рамках судебного процесса.

Изучение прав человека и его элементов ставит перед исследователем вопрос об исчерпаемости перечня последних. Эта проблема была освещена в *Jadhav Case*, рассматриваемым Международным Судом ООН. Хотя компетенция Суда распространялась исключительно на нарушение обязательств, предусмотренных Венской конвенцией о консульских сношениях, что выводит вопрос нарушения ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах за пределы разбирательства, это не препятствует суду принимать во внимание другие обязательства, имеющие отношения к толкованию Венской конвенции¹. В своем заявлении судья Робинсон указал на неисчерпывающий характер упомянутой ст. 14², следовательно, в зависимости от конкретных обстоятельств могут быть выделены иные элементы права на справедливое судебное разбирательство.

[A8D24FD85D1&mode=splus&rnd=6DhPNQ#2sCTI6V0K3VTE3q6](https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=12790&cacheid=982E6F8261DC06F00B6F40D7201F978E&mode=splus&rnd=6DhPNQ#A3VTI6VU9JITwBpu) (дата обращения: 01.03.2025); Протокол №13 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни в любых обстоятельствах, г. Вильнюс, 3.V.2002 г. // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=12790&cacheid=982E6F8261DC06F00B6F40D7201F978E&mode=splus&rnd=6DhPNQ#A3VTI6VU9JITwBpu> (дата обращения: 01.03.2025).

¹ ICJ, *Jadhav Case (India v. Pakistan)*, Judgment of 17 July 2019, §36, 37 // ICJ-CIJ.ORG. URL: <https://www.icj-cij.org/case/168> (дата обращения: 19.03.2025).

² ICJ, *Jadhav Case (India v. Pakistan)*, Judgment of 17 July 2019, Declaration of Judge Robinson, §2(vi) // ICJ-CIJ.ORG. URL: <https://www.icj-cij.org/case/168> (дата обращения: 19.03.2025).

Так, в рамках дела оспаривалось нарушение права на консульский доступ, который не был предоставлен Джадхаву.

В силу сказанного выше, стоит подчеркнуть важность права на доступ к правосудию, которое, как правило, не находит прямого упоминания в международных актах, содержащих гарантии, обеспечивающие справедливое разбирательство, за исключением немногих, в частности, рассмотренной выше Хартии Европейского союза об основных правах. Однако, необходимость этого элемента продемонстрировала судебная практика. Так, в решении по делу *Golder v. The UK* 1975 г. Европейский суд по правам человека (далее - ЕСПЧ) указал, что право на доступ к правосудию является неотъемлемым составляющим права на справедливое судебное разбирательство, поскольку в противном случае рассматриваемые положения и гарантии не могут быть реализованы¹. Хотя рассмотренный пример воспринимается в свете присущего ЕСПЧ эволюционного толкования, которое не характерно для других организаций и органов, приведенное разъяснение видится логичным и адекватным. В дальнейшем указанное право было закреплено в праве Совета Европы посредством принятия Конвенции о международном доступе к правосудию 1980 г.². Следование этого элемента из положений международных договоров по правам человека было подтверждено практикой³. Кроме того, его значение демонстрирует провозглашение Генеральной Ассамблеей ООН в Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью⁴.

¹ Judgment of the ECHR, *Golder v. The UK*, 21 February 1975, §35, 36 // HUDOC, URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57496> (дата обращения: 19.03.2025).

² Convention on International Access to Justice (Hague, 25 October 1980). Hague Conference on Private International Law Documents // HCCH. URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=91> (дата обращения: 19.03.2025).

³ Judgment of the Inter-American Court of Human Rights, *Velásquez-Rodríguez v. Honduras*, 26 June 1987 // CORTEIDH.OR.CR. URL: chrome-extension://efaidnbmninnkpbpcjpcglclefindmkaj/https://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_04_ing.pdf (дата обращения: 19.03.2025); Judgment of the African Court on Human and Peoples' Rights, *Amnesty International v. Zambia*, 05 May 1999, §50 // AfricanLII. URL: <https://africanlii.org/akn/aa-au/judgment/achpr/1999/1/eng@1999-05-05> (дата обращения: 19.03.2025)

⁴ Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью. Принята резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 года. A/RES/40/34 // UN.ORG. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/power.shtml (дата обращения: 19.03.2025).

Таким образом, анализ указанных положений позволяет выделить следующие элементы права на справедливое судебное разбирательство:

1. Право на компетентный, независимый и беспристрастный суд;
2. Презумпция невиновности;
3. Право быть уведомленным о характере и основаниях обвинения;
4. Право на достаточное время и возможности для подготовки защиты;
5. Право на публичное разбирательство;
6. Право на бесплатную помощь переводчика;
7. Право на рассмотрение дела без неоправданной задержки;
8. Право присутствовать на заседании;
9. Право допрашивать свидетелей;
10. Свидетельский иммунитет;
11. Равенство перед судами и трибуналами;
12. Право на пересмотр решения;
13. *Non bis in idem*;
14. Право на помощь переводчика;
15. Право на доступ к правосудию.

Они являются международно-правовыми обязательствами государств и требуют применения в любой ситуации, касающейся прав человека.

§ 1.2. Международно-правовая защита права на владение имуществом.

В контексте защиты права собственности на международном уровне обычно рассматриваются два вопроса: место права собственности в системе прав человека и содержание его регулирования.

Во-первых, право собственности является одним из основных прав человека и защищается наравне с рассмотренным ранее правом на справедливое судебное разбирательство, а также право на жизнь, свободу, личную неприкосновенность и др. Следует упомянуть, что в рамках международного публичного права отсутствует деление прав по критерию значимости, напротив, они признаются равными, неделимыми и взаимосвязанными, что было закреплено Венской декларацией Всемирной конференции по правам человека 1993 года¹.

Во-вторых, в праве собственности сочетаются частноправовые и публично-правовые начала. Последнее характеризует рассматриваемый институт, как фундаментальное право человека, что является приоритетным для международного публичного права. Следовательно, право собственности следует анализировать в ее публично-правовом аспекте.

Первоначально право собственности получило защиту в международном гуманитарном праве, поскольку оно стало предметом ст. 46 Гаагской конвенции о законах и обычаях войны 1907 года, которая закрепляет принцип уважения частной собственности, а также запрещает ее конфискацию. Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны 1949 года конкретизировала положения Гаагской конвенции в ст. 53, раскрыв понятие собственности через его формы и виды и установив общий запрет на ее уничтожение. Кроме того, норма устанавливает предел

¹ Венская декларация и Программа действий. Принята на Всемирной конференции по правам человека в Вене 25 июня 1993 года // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15149&cacheid=54E85F637BAE73563CABB24B621ABCD9&mode=splus&rnd=ui8WO6VCMCub52NH2#45CWO6VSWV4UuUbN1> (дата обращения: 19.03.2025).

осуществления права, являющееся одновременно исключением из общего запрета: абсолютная необходимость для военных операций.

Всеобщая декларация прав человека и основных свобод 1948 года посвятила отдельную статью защите права собственности. Ст. 17 закрепляет право на единоличное или совместное владение имуществом. Тем не менее, исходя из буквального толкования, невозможно сделать вывод об абсолютном характере права, поскольку п. 2 запрещает только произвольное лишение имущества.

Эта статья не получила отражение в Международном пакте о гражданских и политических правах и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 года, что является результатом противостояния различных взглядов на содержание права собственности, обусловленных идеологической разнонаправленностью государств¹. Комментарии к текстам проектов Международных пактов, подготовленных Генеральным секретарем ООН в 1995 году, свидетельствуют о стремлении разработчиков добавить положение о защите права собственности, однако согласие относительно текста нормы так и не было достигнуто. Существовало три точки зрения о подходе к формулированию рассматриваемого права. Первая заключалась в том, что компромисс в этом вопросе недостижим, следовательно, целесообразным виделось восприятие нормы, закрепленной в Всемирной декларации прав человека. Группа, придерживающаяся второй точки зрения, видела необходимость в закреплении наряду с правом его ограничения. Последние исходили из правильности закрепление права путем раскрытия его сущности, объема и содержания. В итоге, невозможность согласования привела к отложению вопроса на неопределенный срок².

¹ C. Golay and L. Cismas "Legal Opinion: The Right to Property from a Human Rights Perspective" // International Centre for Human Rights and Democratic Development. 2010. P. 3

² Official Records of the Economic and Social Council, Eighteenth Session, Supplement No. 7, § 40-71

Сложившаяся ситуация создает сложности при попытке защитить право собственности путем обращения в Комитет ООН по правам человека. Как правило, заявители пользовались другими положениями, закрепляющими право на справедливое судебное разбирательство, запрет на дискриминацию и др., хотя фактически нарушению подвергалось право собственности.

Тем не менее, право на владение имуществом получило защиту на конвенциональном уровне. Так, нормы о нем, перенимая специфику предмета документа, содержатся в Конвенции о статусе беженцев 1951 года¹, Конвенции о статусе апатридов 1954 года². Международная Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 года устанавливает обязательство государств ликвидировать расовую дискриминацию в том числе в отношении права на владение имуществом³. Международная Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации в отношении женщин 1979 года, преломляет право в контексте равенства прав мужчин и женщин⁴.

Региональные акты, также, содержат нормы, направленные на защиту фундаментальных прав, включая право собственности. Сложность согласования его содержания отразилось не только на Международных протоколах о правах человека. С похожими проблемами столкнулись и государства-участники Совета Европы, поэтому первоначальная редакция ЕКПЧ 1950 г. не содержала механизма защиты указанного права. Согласовать

¹ Конвенция о статусе беженцев. Принята 28 июля 1951 года Конференцией полномочных представителей по вопросу о статусе беженцев и апатридов, созванной в соответствии с резолюцией 429 (V) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1950 года, ст.ст. 13, 30 // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15154&dst=1000000001&cacheid=8D352B3E06244110A5EE6F728401F6E6&mode=splus&rnd=6DhPNQ#cPtZI6V1a7bwiEu7> (дата обращения: 19.03.2025).

² Конвенция о статусе апатридов. Принята 28 сентября 1954 года Конференцией полномочных представителей, созванной в соответствии с резолюцией 526 А (XVII) Экономического и Социального Совета от 26 апреля 1954 года, ст.ст. 13, 30 // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=16741&cacheid=C2929D2E6649BBB1A2631F9D247E4857&mode=splus&rnd=6DhPNQ#ABBaI6VmQO5qVs0s1> (дата обращения: 19.03.2025).

³ Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Принята резолюцией 2106 (XX) Генеральной Ассамблеи от 21 декабря 1965 года, ст. 5 (d(v)) // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15156&cacheid=36F28FD8D59B3A926E723D0A60BE8BA3&mode=splus&rnd=6DhPNQ#loKaI6V4yUwH0kpn> (дата обращения: 19.03.2025).

⁴ Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1979 года, ст.ст. 15(2), 16 (1(h)) // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15158&dst=1000000001&cacheid=3630A94EC8BBF5C54C1AD2C619D05DE6&mode=splus&rnd=6DhPNQ#PWUaI6V1wpSVrJLJ> (дата обращения: 19.03.2025).

единую формулировку удалось в Протоколе №1 к Конвенции, который закрепил положение, устанавливающее право каждого физического и юридического лица на уважение своей собственности¹. Также, норма запрещает лишение имущества, устанавливая критерии его правомерного изъятия, которое возможно только в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права. Кроме того, статья устанавливает исключения, которые позволяют государству вмешиваться в осуществление права собственности: контроль за его использованием в соответствии с общими интересами; обеспечение уплаты налогов, сборов, штрафов.

Стандартные формулы закреплены в Американской Конвенции по правам человека 1969² и в Африканской Хартии по правам человека и народов 1981 года. В последней право собственности в различных проявлениях встречается в ряде статей: п. 3 ст. 13 предусматривает право на доступ к общественной собственности и учреждениям на условии строгого равенства перед законом, ст. 21 закрепляет право народов на свободное распоряжение природными ресурсами и запрет на лишение этого права. Знакомая формулировка содержится в ст. 14, согласно которой право собственности гарантируется, а вмешательство ограничено аналогичными описанным выше условиями при наличии общего запрета.

Анализ приведенных выше норм позволяет сформулировать содержание права собственности. Так, следует выделить следующие элементы: право на владение имуществом и его использование, вмешательство в право и лишение имущества возможны при соблюдении условий законности, общественной значимости и равноценной, справедливой компенсации.

¹ Протокол №1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. г. Париж, 20.III.1952 г., ст. 1 // СПС КонсультантПлюс. URL:

<https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=5395&cacheid=D1399ED401D05058DD2B4B0A530DB3B1&mode=splus&rnd=6DhPNQ#zReaI6V46pUco97o> (дата обращения: 19.03.2025).

² Американская Конвенция о Правах Человека. Принята Межамериканской конференцией по правам человека 22 ноября 1969 г. в Сан-Хосе. Вступила в силу 18 июля 1978 г., ст. 21 // OAS.ORG. URL: https://www.oas.org/dil/treaties_B-32_American_Convention_on_Human_Rights.htm (дата обращения: 19.03.2025).

Однако, более полное представление о содержании рассматриваемого института возможно сформировать посредством изучения и анализа, помимо упомянутых выше документов, практики разрешения споров. Так, составляющие права, содержащегося в ст. 1 Протокола №1 к ЕКПЧ, были раскрыты при рассмотрении дела *Sporrong and Lonnroth v. Sweden*: ЕСПЧ выделил право беспрепятственного пользования имуществом, возможность и условия лишения этого права и возможность контроля права государством в соответствии с общими интересами¹. При отсутствии последних двух аспектов, первый реализуется в полном объеме, следовательно, последние являются формами вмешательства в первый.

Кроме того, установление содержания права собственности целесообразно осуществлять с учетом объема и характеристики этого понятия в соответствии с международным публичным правом. Во-первых, понимания права собственности в практике судов региональных объединений (ЕСПЧ, Межамериканского суда по правам человека, Африканской комиссии по правам человека и народов) основано на ценностном подходе, который не соответствует его вещно-правовому содержанию². Согласно первому подходу, право собственности определяется как «любое законное право или любой объект, способный иметь ценность»³, а также в сравнении со вторым пониманием выделяют следующие признаки ценностной концепции⁴:

- Право собственности распространяется на множество экономических интересов;
- Правовые режимы объектов различаются, а не универсализируются путем выделения триады правомочий;

¹ Judgment of the ECHR, *Sporrong and Lonnroth v. Sweden*, Application no. 7151/75; 7152/75, 23 September 1982, § 56-74 // HUDOC, URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57580> (дата обращения: 19.03.2025).

² Нешатаева Т.Н. Защита собственности в Европейском Суде по правам человека и арбитражных судах // Арбитражная практика № 3, 2006. С. 89

³ Sepulveda M., Banning T. *Universal and Regional Human Rights Protection: Cases and Commentaries* // San José: University for Peace, 2004. P. 374.

⁴ Старженецкий В.В. *Россия и Совет Европы: Право собственности*. М., 2004. С. 29.

- Отсутствие четкого разделения абсолютных и относительных правоотношений: первые могут существовать в отношении прав, возникших из вторых.

Во-вторых, практика демонстрирует автономный характер содержания понятия собственность, означающий, что оно не зависит от понимания, признанного и установленного внутренним правом государств. Так, в деле *Beyeler v. Italy* ЕСПЧ указал на независимость концепции собственности от классификации, установленной государством¹. Также, в деле *Mayagna (Sumo) Awas Tingni v. Nicaragua* Межамериканский Суд по правам человека подчеркнул неэквивалентность терминов международного договора о правах человека установленным в соответствии с национальным законодательством².

В-третьих, право собственности не является абсолютным, следовательно, допускается вмешательство государство в его осуществление. Исходя из рассмотренных выше норм, можно выделить два вида вмешательства: лишение права собственности и его ограничение в силу возможности государства контролировать имущество. Однако, последние не может быть безграничным, поэтому оно обусловлено рядом критериев. ЕКПЧ устанавливает такие критерии, как: наличие в качестве цели обеспечение общественных интересов и законность.

Понятие общественных интересов не раз получало разъяснение в практике. Так, в деле *Pressos Compania Naviera S.A. and others v. Belgium* проведена грань между общественными и публичными интересами, подчеркнута неправильность их отождествления³. А в деле *James and Others v.*

¹ Judgment of the ECHR (Grand Chamber), *Beyeler v. Italy*, Application No 33202/96, 5 January 2000, § 100 // HUDOC, URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-58832> (дата обращения: 19.03.2025).

² Judgment of Inter-American Court of Human Rights, *Mayagna (Sumo) Awas Tingni v. Nicaragua*, 31 August 2001, § 146 // CORTEIDH.OR.CR. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_79_ing.pdf (дата обращения: 19.03.2025).

³ Judgment of the ECHR, *Pressos Compania Naviera S.A. and others v. Belgium*, 20 November 1995, § 37 // HUDOC, URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=002-10153> (дата обращения: 19.03.2025).

United Kingdom Суд применил широкое понимание понятия, включающего в себя осуществление политических мер социальной направленности¹.

Также, следует выделить критерий соразмерности, который относится, прежде всего, к лишению права собственности и является способом установления баланса публичных и частных интересов. Лицо не должно нести чрезмерного бремени, в противном случае критерий не будет соблюден. Средством достижения соразмерности является выплата справедливой компенсации². Этот критерий прямо не указан в Протоколе №1 ЕКПЧ, хотя и выведен ЕСПЧ. Он содержится в ст. 21 Американской конвенции о правах человека.

Межамериканский Суд, также, выводит условия ограничения права: законность, необходимость, пропорциональность и законная цель³.

Таким образом, право собственности получило защиту на универсальном уровне, однако наиболее подробное его регулирование осуществляется в рамках региональных объединений государств. Изучение международных актов и практики разрешения споров позволяет выделить следующие элементы:

- признание и уважения права собственности;
- запрет на произвольное вмешательство в его осуществление;
- вмешательство возможно только в общественных интересах при соблюдении условий законности и соразмерности.

¹ Judgment of the ECHR, *James and others v. United Kingdom*, Application no. 8793/79, 21 February 1986, § 40 // HUDOC, URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57507> (дата обращения: 19.03.2025)

² Judgment of the ECHR, *Matos e Silva, Lda., and Others v. Portugal*, Application no. 15777/89, 16 September 1996, § 92 // HUDOC, URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58063> (дата обращения: 19.03.2025).

³ Judgment of Inter-American Court of Human Rights, *Saramaka People v. Suriname*, 28 November 2007, § 127 // CORTEIDH.OR.CR. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_172_ing.pdf (дата обращения: 19.03.2025).

Глава 2. Понимание права на справедливое судебное разбирательство и права на владение имуществом при применении и оспаривании односторонних ограничительных мер.

§ 2.1. Природа и законность односторонних ограничительных мер с точки зрения международного права.

Количество ограничительных мер в последнее время увеличилось. Более того, государства отвечают на введение санкций контрсанкциями в качестве механизмов противодействия первым, что также свидетельствует о расширении практики применения института. Однако, в международном праве и праве отдельных государств все еще не существует единого общепринятого понятия, отражающего характеристики рассматриваемого механизма.

Следует различать санкции, меры, принятые с целью реализации первых и односторонние ограничительные меры. В связи с неопределенностью природы последних все еще актуальной остается терминологическая проблема, которая проливает свет на проблему природы односторонних мер.

Сегодня в международном публичном праве нет четкого определения понятия «санкции». В международной правовой доктрине существует несколько объяснений и раскрытий этого понятия: их рассматривают, как «право обеспечения соблюдения закона»; «наказание»; «комплекс принудительных мер, применяемых к государству-правонарушителю»; «способ заставить кого-либо подчиниться»; «негативное последствие нарушения» и другое¹.

Существуют различные мнения относительно того, что охватывается понятием «санкции». Некоторые авторы обращают внимания на дихотомию понятия: в научных исследованиях и практике одинаково используются термины «санкции» и «ограничительные меры». Так, С.В. Маринич говорит о

¹ «Односторонние принудительные меры: понятие, виды и квалификация. Доклад Специального докладчика по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека Елены Довгань», A/HRC/48/59 // Генеральная Ассамблея ООН. OHCHR.ORG. URL: <https://www.ohchr.org/ru/documents/thematic-reports/ahrc4859-report-notion-characteristics-legal-status-and-targets> (дата обращения: 19.03.2025).

размытии границ между понятиями, поскольку меры в конечном счете реализуются отдельными государствами, независимо от того введены они международными организациями или государствами в одностороннем порядке¹. М.Г. Дораев утверждает, что термины «санкции» и «ограничительные меры» взаимозаменяемые: оба используются для обозначения действий членов международного сообщества против нарушителей². Более того, автор замечает, что для государств-реципиентов де-факто нет разницы, какой субъект является источником санкций: эффект, оказываемый на объект, сравнимый и даже одинаковый.

Не менее распространена противоположная точка зрения. К.В. Крицкий утверждает, что международные санкции – это, прежде всего, принудительные меры, принимаемые Советом Безопасности ООН (далее – СБ ООН). Но он, также, отмечает существование расширенной трактовки термина, согласно которой другие международные организации, также, имеют право применять санкции, однако эти организации должны входить в систему ООН³. Следовательно, автор разграничивает понятия «санкции» и «односторонние ограничительные меры», понимая под последними меры, принимаемые отдельными государствами. К.В. Крицкий пишет, что расширительное толкование термина «санкции» характерно для западной доктрины с целью придания действиям государства легитимности. Помимо этого признака односторонним ограничительным мерам характерны следующие черты⁴:

- Решение об их применении принимаются национальными органами государственной власти отдельного государства.
- Меры, как правило, носят финансово-экономический характер.

¹ Маринич С.В. Экономические санкции в международном праве. Диссертация. М., 1989. С. 159-160.

² Дораев М. Г. Экономические санкции в праве США, Европейского Союза и России. М., 2016. С. 36-37, 104.

³ Крицкий К.В. «Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном праве». Диссертация. 2019. С. 32.

⁴ Крицкий К.В. «Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном праве». Диссертация. 2019. С. 79.

- Меры направлены на защиту государственных интересов путем принуждения и побуждения объекта к изменению политики.
- Меры имеют широкий охват действия: могут применяться как против целых отраслей экономики, так и против отдельных физических и юридических лиц.

Также, И.И. Лукашук отказывается от отождествления рассматриваемых терминов, подчеркивая, что односторонние «санкции» имеют иные цели, нежели санкции международных организаций: реализация политических задач и обеспечение национальной безопасности¹.

Ю.Н. Жданов, проводя границу между санкциями международных организаций и контрмерами, принимаемыми отдельными государствами, подчеркивает, что использование единого термина «санкции» в отношении двух правовых явлений некорректно, поскольку создается иллюзия власти одного государства над другим, что противоречит принципу суверенного равенства².

Для целей настоящей работы рассмотренные понятия будут разграничиваться. Под «санкциями» будут пониматься коллективные меры государств, принятые под эгидой ООН от имени всех членов. Особенностью этих мер является хотя и формальное, поскольку в СБ ООН представлены не все субъекты, но все же всеобщее одобрение и поддержка мер. Тем не менее, санкции могут приниматься и другими международными организациями в отношении своих членов. Например, таковыми являются исключение из Совета Европы в порядке ст. 8 Устава Совета Европы или приостановление права члена на представительство в Комитете и в Парламентской ассамблее для выполнения финансовых обязательств, предусмотренное ст. 9 Устава.

Под «односторонними ограничительными мерами» будут пониматься автономные и односторонние меры, принятые внутренними органами государств, хотя и направленные на установление обязательных правил для

¹ Лукашук И.И. Право международной ответственности. М., 2004. С. 149-152.

² Жданов Ю.Н. Принудительные меры в международном праве. М., 1999. С. 13.

лиц, имеющих правовую связь с государством, но оказывающие прямое или косвенное влияние на иные государства и иных лиц. Особенностью этих мер является явный обход централизованного механизма одобрения с целью ускорения их принятия или в связи с возможностью отклонения членами СБ ООН предложения по их принятию. При этом понятия принудительные меры и ограничительные меры будут считаться общими для санкций, односторонних ограничительных мер и контрмер в силу схожести эффекта этих институтов, а также для удобства изложения материала.

Таким образом, использование государствами и авторами термина «санкций» применительно к ограничительным мерам свидетельствует о том, что институт находится на стадии формирования и развития. Недостаточно эффективный механизм реализации международной ответственности приводит к использованию государствами альтернативного механизма, которому не придана четкая правовая характеристика. Более того, все еще остается спорным вопрос о соответствии института принудительных мер международному публичному праву.

Кроме рассмотренной выше классификации, принудительные меры различаются в зависимости от объекта: выделяют всеобъемлющие, секторальные и целенаправленные или адресные меры. Первые направлены против государства в целом и проявляются в пресечении различного рода отношений и взаимодействия с ним. Они считаются самым разрушительным и оттого самым противоречивым видом мер. Секторальные ограничения направлены на блокировку взаимодействия с государством в рамках отдельно взятой отрасли или нескольких отраслей, например, они могут приниматься в форме нефтяного эмбарго. Они, также, имеют ярко выраженный негативный эффект, особенно если отрасль, попавшая под воздействие мер, является основой экономики государства-реципиента. Адресные меры направлены против конкретных физических и юридических лиц, не затрагивая государство. Однако их влияние может быть не менее серьезным в случае,

если эти лица имеют значительное влияние в политической или экономической сферах государства.

В документах ООН выделяются два основных вида санкций: торговые и финансовые. Первые проявляются в ограничении импорта и экспорта, которые могут быть всеобъемлющими и избирательными, то есть направленными против конкретной категории или вида товаров. Вторые распространяются на денежно-кредитную сферу и используются в форме блокировки зарубежных активов подсанкционных лиц, ограничения доступа к финансовым рынкам, получению займов и кредитов, ограничения трансферных международных платежей и запрета сделок с собственностью за рубежом и др. Торговые и финансовые санкции взаимосвязаны. Так, блокировка активов усложнит оплату импорта, что скажется на торговле¹.

Также, выделяются иные виды мер. Например, меры в отношении поездок, которые могут быть целенаправленными, то есть ограничивать въезд и прибывание на территории государства, принявшего ограничительные меры, конкретного лица. Кроме того, они могут ограничивать определенные виды воздушного сообщения. Военные санкции могут быть в форме эмбарго на поставку вооружений, предоставление военной помощи и др. Дипломатические санкции заключаются в аннулировании визы дипломатов и политических руководителей, запрете участия в деятельности международной организации и др. Наконец, санкции в сфере культуры вводятся в виде запрета на участие спортсменов в международных соревнованиях, гастроли музыкальных коллективов и др.

Таким образом, принудительные меры существуют в различных формах, что говорит о стремительном развитии института, несмотря на отсутствие централизованного регулирования.

¹ Марк Боссайт, Обзор дальнейших событий, которыми занимается или может заниматься подкомиссия. Неблагоприятные последствия экономических санкций для осуществления прав человека. Рабочий документ. Экономический и социальный совет, Комиссия по правам человека, Подкомиссия по поощрению и защите прав человека. 52 сессия // UN.ORG. URL: https://digitallibrary.un.org/record/419880/files/E_CN.4_Sub.2_2000_33-RU.pdf (дата обращения: 19.03.2025).

Дальнейшее исследование материала будет целесообразно сосредоточить на определении места рассматриваемого института в международном публичном праве. Односторонние ограничительные меры – противоречивый институт: его правомерность – предмет полемики. Важно отметить, что нет нормы, запрещающей или разрешающей использование рассматриваемого механизма. Выделяют ряд международно-правовых категорий, которые в зависимости от ситуации могут использоваться для характеристики рассматриваемого института.

Во-первых, в некоторых случаях односторонние ограничительные меры могут являться реторсиями. Реторсиями являются «недружественные действия», которые, тем не менее, не противоречат международным обязательствам государства. Другими словами, они нарушают нормы вежливости, но не переходят грань законности. В качестве примера реторсии можно привести прекращение выплаты помощи или предоставления военной помощи, отказ от продления договора, выход из международной организации и др.

Во-вторых, при соблюдении положений ст. 49-53 Проекта статей об ответственности государств 2001 г. односторонние меры могут быть квалифицированы как контрмеры. Согласно этим нормам контрмеры должны иметь временный характер и в случае прекращения неисполнения обязательства правонарушителем должны быть отменены. Кроме того, они должны вводиться таким образом, чтобы обеспечить возможность возобновления исполнения обязательств. Проект статей об ответственности государств устанавливает правило пропорциональности контрмер, то есть равносильности нарушению. Процедура применения должна включать требование от нарушителя выполнения обязательства и уведомление о введении мер. Более того, контрмеры не должны затрагивать выполнения таких обязательств, как неприменение силы или угрозы силой, защита основных прав человека, гуманитарные обязательства, обязательства,

вытекающие из императивных норм, обязательства по решению споров и по уважению дипломатических и консульских иммунитетов.

В-третьих, односторонние меры могут быть признаны контрмерами третьих государств, не являющихся потерпевшими в смысле ст. 49-53 Проекта статей об ответственности государств. Согласно ст. 48 Проекта статей об ответственности государств иное, чем потерпевшее государство, может использовать указанный механизм только при соблюдении определенных условий: нарушение должно касаться обязательства либо в отношении группы субъектов, в число которых входит применяющее меры государство (*erga omnes partes*), либо всего международного сообщества в целом (*erga omnes*). Также, меры, применяемые третьими государствами, должны быть законными в отличие от тех, которые имеет право применить потерпевшая сторона. Исчерпывающий список приведен в п. 2 ст. 48: возможности третьего государства ограничиваются правом требовать прекращения противоправного деяния, предоставления заверений и гарантий его неповторения и исполнения обязательства по возмещению в интересах потерпевшего или бенефициара. Более того, на призывание к ответственности иным государством распространяются процедурные и количественные ограничения, обозначенные в ст.ст. 43-45.

Однако, односторонние меры, как правило, не соответствуют условиям применения рассмотренных выше механизмов, следовательно, их квалификация в качестве этих категорий невозможна, что создает проблему их оценки с точки зрения обязательств государств в международном праве. Таким образом, можно сказать, что односторонними ограничительными мерами следует считать действия и решения государств, которые не могут быть охарактеризованы в соответствии с перечисленными механизмами. А оценку их законности следует производить вне этих категорий.

Оценка односторонних ограничительных мер через призму соответствия положениям Устава ООН позволяет выделить еще ряд спорных вопросов, одним из которых является возможность признания рассматриваемого

механизма актом применяя силы в смысле ст. 2(4) Устава. Проблема возникла еще на заседании Генеральной Ассамблеи ООН в 1970 году, на котором представитель Пакистана озвучил предположение о более широком понимании термина «сила», который включает не только вооруженный конфликт, но и иные формы политического и экономического давления¹. В качестве подтверждения он сослался на резолюцию 2160 (XXI) Генеральной Ассамблеи, в которой действительно ряд положений указывает на то, что термин не исчерпывается лишь вооруженным нападением². Во время Арабского нефтяного эмбарго США можно было заметить распространение мнения о приравнивании экономического принуждения к применению силы³. Однако, в более поздних дискуссиях преобладающим мнением является признание узкого толкования термина «сила», поскольку иначе у государств не осталось бы рычагов давления на нарушителей международных обязательств, что важно, так как их соблюдение не обеспечивается эффективно через международные органы⁴. Также, это подтверждается Декларацией о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций 1970 года, которая, раскрывая принцип запрета на применение силы и угрозы силой, ограничивается только вооруженным характером действий государств. Кроме того, в тексте Декларации экономические и политические меры указываются в контексте нарушения принципа невмешательства во внутренние дела

¹ UN. General Assembly. Sixth Committee (25th Session) Summary record of the 1179th meeting (24 September 1970) UN Doc A/C.6/SR.1179, § 19 // UN.ORG. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/816654?ln=ru&v=pdf> (дата обращения: 19.03.2025).

² UN. General Assembly. Strict observance of the prohibition of the threat or use of force in international relations, and of the right of peoples to self-determination. Res 2160 (30 November 1966) UN Doc A/RES/2160 (XXI) // UN.ORG. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/203155?v=pdf> (дата обращения: 19.03.2025).

³ Hartmut Brosche, The Arab Oil Embargo and United States Pressure against Chile: Economic and Political Coercion and the Charter of the United Nations // Case Western Reserve Journal of International Law, Volume 7. 1974. P. 5.

⁴ The Charter of the United Nations: a commentary / edited by Bruno Simma ... [and others]; assistant editor Nikolai Wessendorf // Oxford University Press. Third edition. 2012, P. 208-209.

государства, что подтверждает тезис об узком толковании ст. 2(4) Устава ООН¹.

Таким образом, природа односторонних ограничительных мер не позволяет признать их проявлением силы, а четко разграничивает два института. Следовательно, оценка правомерности ограничений, введенных государствами, которая будет проведена далее, не касается вопроса квалификации института в рамках ст. 2(4) Устава ООН.

Другой нормой, которой рассматриваемый институт может противоречить, является ст. 1(3) Устава ООН, устанавливающая в качестве цели ООН сотрудничество между государствами в различных областях. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН устанавливает сотрудничество государств в экономической, социальной и культурной сферах в виде обязанности государств. Также, Декларация устанавливает цели сотрудничества, среди которых следует выделить поддержание мира и безопасности, соблюдения прав человека, как часто используемые в качестве основания для введения односторонних мер. При этом, государства могут принимать, как совместные, так и индивидуальные меры, но только предусмотренные Уставом ООН и в сотрудничестве с ООН. Однако, односторонние ограничительные меры не соответствуют этим требованиям. Следовательно, коллективные меры, принимаемые СБ ООН является проявлением реализации рассматриваемого принципа, односторонние, напротив, демонстрацией стремления избежать сотрудничества. Тем не менее, применения последних не может быть признано нарушением, поскольку отсутствует прямой запрет на их использование. При этом, практика свидетельствует о синхронизации ряда государств путем применения аналогичных мер по схожим причинам и

¹ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года // UN.ORG. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 21.04.2025).

вопросам. Например, так называемые, Законы Магнитского после принятия первого регулирования США в 2012 году, а затем, нового закона в 2016 году, придавшего нормам экстерриториальный характер,¹ тренд на аналогичное законодательство распространился на другие государства: Эстонию², Литву³, Канаду⁴, Великобританию⁵. В ЕС односторонние ограничительные меры, направленные на защиту прав человека, вводятся Решением Совета ЕС 1999/2020 и Регламентом Совета ЕС 2020/1998⁶.

Обязанность государств сотрудничать друг с другом предполагает добросовестное соблюдение государствами норм международного права. Следовательно, когда односторонние ограничительные меры нарушают положения международных договоров, наблюдается несоблюдение рассматриваемого принципа. Так, известно обращение Катара в Совет ИКАО в связи с авиационными ограничениями, введенными Королевством Саудовская Аравия, Объединенными Арабскими Эмиратами, Королевством Бахрейн и Арабской Республикой Египет в связи с предполагаемым

¹ H.R.6156 - Russia and Moldova Jackson-Vanik Repeal and Sergei Magnitsky Rule of Law Accountability Act of 2012 /112th Congress (2011-2012) // CONGRESS.GOV. URL: <https://www.congress.gov/bill/112th-congress/house-bill/6156> (дата обращения: 21.04.2025); H.R.624 - Global Magnitsky Human Rights Accountability Act. 114th Congress (2015-2016) // CONGRESS.GOV. URL: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/624/related-bills> (дата обращения: 21.04.2025).

² Amendments to The Law on Amending the Obligation to Leave and Prohibition on Entry Act 262 SE // RIIGIKOGU.EE. URL: <https://www.riigikogu.ee/tegevus/eelnoud/eelnou/e51b847b-0c50-4e82-9ac2-8b004be00481/V%C3%A4ljas%C3%B5idukohustuse%20ja%20sisses%C3%B5idukeelu%20seaduse%20muutmise%20seadus/> (дата обращения: 21.04.2025).

³ Law on the Legal Position of Foreign Affairs No IX- 2206 The Law on Amendment of 133 of Article // E-SEIMAS. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/63bebab0d38311e782d4fd2c44cc67af?jfwid=2r1m2vhr> (дата обращения: 21.04.2025).

⁴ Justice for Victims of Corrupt Foreign Officials Act (Sergei Magnitsky Law) S.C. 2017, с. 21 // Canada.ca. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/J-2.3/page-1.html#docCont> (дата обращения: 21.04.2025).

⁵ Criminal Finances Act 2017 // LEGISLATION.GOV.UK. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2017/22/part/1> (дата обращения: 21.04.2025); Sanctions and Anti-Money Laundering Act 2018 // LEGISLATION.GOV.UK. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2018/13/contents/enacted> (дата обращения: 21.04.2025); The Global Human Rights Sanctions Regulations 2020 // LEGISLATION.GOV.UK. URL: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/2020/680/made> (дата обращения: 21.04.2025); The Global Anti-Corruption Sanctions Regulations 2021 // LEGISLATION.GOV.UK. URL: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/2021/488/contents> (дата обращения: 21.04.2025).

⁶ Council Decision (CFSP) 2020/1999 of 7 December 2020 concerning restrictive measures against serious human rights violations and abuses // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/2020/1999/oj/eng> (дата обращения: 21.04.2025); Council Regulation (EU) 2020/1998 of 7 December 2020 concerning restrictive measures against serious human rights violations and abuses // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2020/1998/oj/eng> (дата обращения: 21.04.2025).

нарушением первым Эр-Риядских соглашений. Катар ссылаясь на противоречие мер обязательствам, предусмотренных Конвенцией о международной гражданской авиации (далее – Чикагская конвенция) и Соглашением о транзите международных воздушных сообщений. Кроме того, в 2023 года в ИКАО обратилась Россия с заявлением в связи с нарушением 37 государствами Чикагской конвенции путем применения односторонних ограничительных мер в виде запрета на использования воздушного пространства воздушными судами российских авиапредприятий, поставку запчастей и техническое обслуживание¹. Также, знаковым является обращение Ирана в Международный Суд в 2016 и 2018 году в связи с противоречием введенных США мер Договору о дружбе, экономических отношениях и консульских правах².

Таким образом, невозможно однозначно утверждать о нарушении односторонними ограниченными мерами обязательства сотрудничать друг с другом, поскольку конфронтация, создаваемая их применением, сопровождается некоторым единством практики ряда государств. Однако, есть и обратная практика, заключающаяся в осуждении применения односторонних механизмов, которая будет рассмотрена далее. Тем не менее, принцип международного сотрудничества нарушается, если меры не соответствуют обязательствам, закрепленных в международных договорах.

Сторонники ограничительных мер ссылаются на принцип Лотоса, согласно которому в отсутствие прямых запрещающих норм государство обладает широкой степенью дискреции в выборе того, с какими акторами вести экономические отношения. Противники ссылаются на принцип невмешательства во внутренние дела государства. Следовательно, свобода

¹ Министерство иностранных дел Российской Федерации. Сообщение о подаче Россией заявления в Совет ИКАО в связи с нарушением рядом государств положений Чикагской конвенции // MID.RU. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1908724/ (дата обращения: 21.04.2025).

² ICJ, Certain Iranian Assets (Islamic Republic of Iran v. United States of America). Judgment of 13 February 2019 // ICJ-CIJ.ORG. URL: <https://www.icj-cij.org/case/164> (дата обращения: 21.04.2025); ICJ. Certain Iranian Assets (Islamic Republic of Iran v. United States of America). Judgment of 30 March 2023 // ICJ-CIJ.ORG. URL: <https://www.icj-cij.org/case/164> (дата обращения: 21.04.2025).

одних определять свою экономическую политику ограничено правом других самостоятельно решать свои внутренние вопросы. Однако, не ясна граница применения принципа невмешательства во внутренние дела государства, за пределами которой он будет нарушен. Следовательно, спор о законности и легитимности односторонних ограничительных мер можно свести к спору об определенности и степени применения принципа невмешательства.

В деле *Nicaragua v. United States of America* нарушение рассматриваемого принципа проявляется в прямом или косвенном вмешательстве во внутренние и внешние дела государства, которые оно имеет право выполнять самостоятельно и независимо от других субъектов в соответствии с принципом суверенного равенства. Суд в качестве примеров вопросов, решаемых государством самостоятельно, приводит выбор политической, экономической, социальной, культурной системы, формулирование внешней политики. Также, в качестве признака вмешательства используется указание на использование принуждения с целью лишить государства свободы выбора в определённой сфере¹. В упомянутом деле США отказались от экономической поддержки Никарагуа и установили торговое эмбарго, Международный суд утверждает, что он не может рассматривать эти экономические вопросы на предмет соответствия принципам международного права².

Некоторые авторы утверждают, что эмбарго может не нарушать нормы международного права, нужно оценивать каждый случай отдельно, учитывая другие сопутствующие обстоятельства, например, существующие между субъектами обязательства на соответствующий момент времени³. В зависимости от их наличия или отсутствия действия государства могут быть расценены как реторсия, контрмеры или нарушение. В рассматриваемом деле

¹ ICJ, *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States)*, Judgment of 27 June 1986, § 202, 205 // ICJ-CIJ.ORG. URL: <https://www.icj-cij.org/case/70> (дата обращения: 21.04.2025).

² Там же. § 245.

³ Natalino Ronzitti, *Sanctions as Instruments of Coercive Diplomacy: An International Law Perspective in Coercive Diplomacy* // *Sanctions and International Law* Edited by Natalino Ronzitti. P. 6-7.

США нарушили Договор о дружбе, торговле и судоходстве 1956 года, поэтому эмбарго является неправомерным¹. Другими словами, ограничительные меры могут не быть вмешательством во внутреннюю компетенцию государства, но все равно быть противоправным актом. Однако, не всегда есть ясные и очевидные нарушения международных обязательств.

Несоответствие ограничительных мер принципу невмешательства может следовать из следующих резолюций Генеральной Ассамблеи ООН. Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета (Резолюция 2131 (XX) Генеральной Ассамблеи от 21 декабря 1965 года)² говорит о недопустимости применения, поощрения применения экономических, политических мер или мер иного характера государствами для принуждения другого государства подчинить осуществление его суверенных прав или для получения от него каких бы то ни было преимуществ. Однако, при создании документа имели в виду подрывную деятельность и защиту права на самоопределение³.

В статье 32 Хартии экономических прав и обязанностей государств (Резолюция 3281 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 1974 года) говорится, что «ни одно государство не может применять по отношению к другому государству или поощрять применение экономических, политических или каких-либо других мер принудительного характера, направленных на ущемление его суверенных прав или на извлечение из этого какой-либо выгоды».

¹ ICJ, *Nicaragua v. United States*, 1986. § 279.

² Также, можно обратить внимание на Декларацию о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года // UN.ORG. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 21.04.2025); Декларацию о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств. Принята резолюцией 36/103 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1981 года // UN.ORG. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/internal_affairs_decl.shtml (дата обращения: 21.04.2025).

³ Hofer A., *The Developed/Developing Divide on Unilateral Coercive Measures: Legitimate Enforcement or Illegitimate Intervention?* // *Chinese Journal of International Law*. 2017. P. 11.

В пункте II(k) Декларации о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств (Резолюция 36/103 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1981 года) устанавливается «обязанность государства не использовать свои программы внешней экономической помощи и не прибегать к любой многосторонней или односторонней экономической репрессалии или блокаде и не допускать использования транснациональных или многонациональных корпораций, находящихся под его юрисдикцией или контролем, в качестве средств политического давления или принуждения против другого государства, в нарушение Устава Организации Объединенных Наций». Более того, в пункте II(l) запрещается «использование или искажение вопросов о правах человека в качестве средства вмешательства во внутренние дела государств, оказания давления на другие государства или создания атмосферы недоверия и беспорядка в пределах государств и между государствами или группами государств». Учитывая, что в последнее время защита прав человека считается одной из основных целей для введения принудительных мер, эти нормы, кажется, прямо запрещают принуждение одних субъектов другими. Однако, основная проблема этих резолюций – их рекомендательный характер, поскольку они не имеют весомого нормативного влияния и не являются обязательными¹.

Поэтому некоторые авторы рассматривают вопрос соответствия односторонних ограничительных мер не с точки зрения нарушения принципа, а в контексте существования или отсутствия нового международного обычая². Международный суд определил два критерия, указывающие на формирование международного обычая: объективный, который заключается в формировании общей практики применения нормы, и субъективный, который отражает признание государствами за обычаем юридически обязательного характера

¹ Philip Kunig, *Intervention, Prohibition of* // Max Planck Encyclopedia of Public International Law [MPEPIL]. 2008. § 20. URL: <http://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1434?rskey=V5a1XH&result=2&prd=EPIL> (дата обращения: 21.04.2025).

² Hofer A., Указ. соч. Р. 10.

(*opinio juris*). Резолюции, которые имеют рекомендательный характер, могут доказывать существование сформированного обычая.

Так, развивающиеся государства неоднократно указывали на злоупотребление намерением защиты прав человека для принятия ограничительных мер, которые, наоборот, ухудшают положение населения и не способствуют созданию благоприятной среды для защиты их свобод. В связи с этим, Третьим комитетом по социальным, гуманитарным вопросам и вопросам культуры Генеральной Ассамблеи ежегодно принимается резолюция «Права человека и односторонние принудительные меры». Также, Вторым комитетом по экономическим и финансовым вопросам раз в два года принимается резолюция «Односторонние экономические меры как средство политического и экономического принуждения развивающихся стран».

В резолюции «Права человека и односторонние принудительные меры» Генеральная Ассамблея ООН призывает отказаться от применения односторонних мер, утверждая, что они не соответствуют международному праву, международному гуманитарному праву, Уставу ООН. Также, отмечается злоупотребление государствами в качестве надуманных предлогов применения этих мер противодействием терроризму и защитой прав человека. Наблюдается негативное влияние института на страны-реципиенты. В резолюции «Односторонние экономические меры как средство политического и экономического принуждения развивающихся стран», также, говорится о негативном влиянии мер на страны-объекты, но акцент делается на социально-экономическую сферу.

Как было сказано выше, резолюции могут свидетельствовать об образовании обычной нормы права. Так, в проекте вывода 12(2) Четвертого доклада по теме «Выявление международного обычного права», подготовленного Специальным докладчиком Майклом Вудом, утверждается, что резолюция, принятая международной организацией или на межправительственной конференции, может служить доказательством

существования нормы обычного права и кристаллизировать ее содержание¹. Однако, в пункте 47 Третьего доклада по той же теме, видится предостережение от поспешной неверной оценки содержания резолюции и призыв к анализу. Так, изучая распределение голосов, нужно выяснить, что действительно имели в виду государства, голосуя «за», «против» или воздерживаясь. Также, необходимо проанализировать содержание резолюции и обстоятельства ее принятия. Кроме того, «необходимо рассмотреть вопрос о том, существует ли *opinio juris* на предмет его нормативного характера» или *opinio juris* находится лишь на стадии формирования². Исходя из доклада, можно выделить ряд критериев для определения «нормативной значимости» резолюций, то есть на ее способность отразить новую норму обычного права.

Во-первых, важны формулировки, использующееся при написании текста документа. Использование нормативных формулировок свидетельствует о более серьезном отношении государств к написанному, что повышает юридическую ценность документа. Во-вторых, необходимо проанализировать обстоятельства принятия резолюции, в число которых включают метод ее принятия (как правило, голосование), результаты голосования и обоснования государствами своей позиции. Соотношение голосов отражает «степень поддержки» норм. Так, документ принятый единогласно или консенсусом имеет больший вес, чем резолюция, принятая большинством голосов, в том числе квалифицированным большинством. В голосовании государств транспортируются истинные намерения и отношение субъектов к вопросу. Особенно важно искать причины воздержания, поскольку они раскрывают действительное разнообразие мнений. В-третьих, следует определить цель принятия резолюции: она имеет декларативный

¹ Майкл Вуд, специальным докладчик. Четвертый доклад по теме «Выявление международного обычного права», A/CN.4/695. // Комиссия международного права. Шестдесят восьмая сессия. Женева, 2 мая — 10 июня и 4 июля — 12 августа 2016 года. UN.ORG. URL: <https://docs.un.org/r/A/CN.4/695> (дата обращения: 19.03.2025).

² Майкл Вуд, специальным докладчик. Третий доклад по теме «Выявление международного обычного права», A/CN.4/682. // Комиссия международного права. Шестдесят седьмая сессия. Женева, 4 мая — 5 июня и 6 июля — 7 августа 2015 года. UN.ORG. URL: <https://docs.un.org/r/A/CN.4/682> (дата обращения: 19.03.2025).

характер, или она кристаллизирует новую норму права. Первый тип не является окончательным доказательством, требуется провести тщательный анализ и ознакомиться с практикой применения норм с целью выяснить, соблюдается ли они или нет.

Если применить описанные критерии к рассмотренным резолюциям, то обнаруживается, что они не имеют высокой «нормативной ценности» и не могут служить доказательством существования нормы, запрещающей использование экономического принуждения. В докладе отмечается, что резолюции Генеральной Ассамблеи имеют рекомендательный характер, что исключает ее возможность создавать нормы права. Кроме того, даже повторяющийся характер принятия не свидетельствует о существовании нормы права.

Резолюции принимались не единогласно, а большинством голосов, что снижает их нормативную ценность. Во время 79 сессии в 2024 году в отношении резолюции «Права человека и односторонние принудительные меры» голоса распределились следующим образом: 131 – «за», 55 – «против», 0 воздержались¹. В случае второго документа под названием «Односторонние экономические меры как средство политического и экономического принуждения развивающихся стран» голоса на 78 сессии в 2023 году составили 128-8-43 соответственно². В основном, голосовали «за» страны Движения неприсоединения и Группы 77, которые, как правило, являются объектами односторонних мер. Голосовали «против» страны, применяющие механизм в рамках своей политики. В их обоснованиях отражается все та же дискуссия о соотношении принципа невмешательства во внутреннюю компетенцию государств и принципа Лотоса.

¹ Робин де Фогель, докладчик. Поощрение и защита прав человека: вопросы прав человека, включая альтернативные подходы в деле содействия эффективному осуществлению прав человека и основных свобод. A/79/458/Add.2. // Доклад Третьего комитета Генеральной Ассамблеи ООН. Семьдесят девятая сессия. Пункт 71 б) повестки дня. URL: <https://docs.un.org/r/A/79/458/Add.2> (дата обращения: 19.03.2025).

²Ивайло Гатев, докладчик. Вопросы макроэкономической политики: международная торговля и развитие. A/78/459/Add.1. // Доклад Второго комитета Генеральной Ассамблеи ООН. Семьдесят восьмая сессия. Пункт 16 а) повестки дня. URL: <https://docs.un.org/r/A/78/459/Add.1> (дата обращения: 19.03.2025)

Таким образом, резолюции не отражают практику применения норм и формирование *opinio juris*, что говорит об отсутствии международного обычая. Следовательно, односторонние ограничительные меры невозможно признать однозначно нарушающими международное право, но аналогичная цепочка рассуждения не позволит признать обычаем их применение, поскольку они используются ограниченным кругом государств, что не свидетельствует об общей практике. Важно уточнить, что хотя общность при формировании обычая не тождественно применению механизма всеми субъектами международного права, однако практика должна быть широкой, включая практику государств, конкретно затронутых обычаем¹.

Интересно рассмотреть правомерность односторонних мер с точки зрения принципов экстерриториальной юрисдикции государств. Доктрина юрисдикции остается довольно размытой, однако становится предметом международного права, когда государство принимает нормативные правовые акты, регулирующие вопросы, не являющиеся сугубо внутренними². И.И. Лукашук и А.В. Наумов пишут, что в полная юрисдикция осуществляется государствами в пределах своей территории, а в отношении своих граждан, пребывающих за границей, государство осуществляет ограниченную юрисдикцию³.

Стоит различать экстерриториальный эффект и экстерриториальное применение односторонних ограничительных мер. Первое присуще рассматриваемому институту имманентно в связи с целью их применения, которая заключается в воздействии на поведение другого государства. Второе касается способа применения мер, которым свойственно требовать соблюдения соответствующего законодательства не только на территории государства, вводящего меры, но и за его пределами. Соответственно, нормы

¹ ICJ, North Sea Continental Shelf Cases (Federal Republic of Germany v. Denmark; Federal Republic of Germany v. Netherlands), Judgment of 20 February 1969, § 60-82 // ICJ-CIJ.ORG. URL: <https://www.icj-cij.org/case/52> (дата обращения: 19.03.2025).

² Cedric Ryngaert, Jurisdiction in International Law // Second edition, Oxford University Press. 2015, P. 5.

³ Лукашук И.И., Наумов А.В. Международное уголовное право. М., 1999. С. 39, 287.

применяются ко всем, независимо от принадлежности к государству, и к любым операциям, в том числе проводимых за границей¹.

Существует два подхода к порядку осуществления экстерриториальной юрисдикции. Первый, установленный Постоянной палатой международного правосудия в деле *Lotus*², ограничивает усмотрение государств в применении юрисдикции лишь наличием прямой запрещающей нормы. Второй, разрешительный принцип, отражает противоположный подход: только наличие разрешающей нормы позволяет государству расширять свою компетенцию за пределы своей территории. Однако, можно говорить о формировании компромиссного подхода, заключающийся в необходимости государств обосновывать расширение границ применения своей юрисдикции.

Считается общепризнанным применение предписывающей юрисдикции только в случаях наличия территориальной или личной связи с фактом или событием. Однако, это правило довольно условно, поскольку государства усматривают наличие правовой связи практически всегда, если это соответствует их интересам. В контексте применения односторонних ограничительных мер, ярким примером будут введение США финансовых ограничений против *BNP Paribas* с связи с проведением транзакций в долларах США, то есть использование финансовой системы США, что позволило установить территориальную связь, несмотря на то что сделка заключалась за границей и не проходила транзитом через США³. Государство опиралось на концепцию составного элемента запрещенной транзакции, таковым в рассмотренном случае является клиринг.

¹ Y. Kerbrat. Unilateral Extraterritorial Sanctions as a Challenge to the Theory of Jurisdiction? // C. Beaucillon (ed.), Research Handbook on Unilateral and Extraterritorial Sanctions (Edward Elgar Publishing, 2021), P. 166.

² Permanent Court of International Justice, Twelfth (Ordinary) Session. The Case of the S.S. Lotus (France v. Turkey), Judgment №. 9 of 7 September 1927, P. 18-21// JUS MUNDI. URL: <https://jusmundi.com/en/document/decision/en-lotus-judgment-wednesday-7th-september-1927> (дата обращения: 19.03.2025)

³ United States District Court Southern District of New York. United States of America v BNP Paribas, 30 June 2014. § 5, 24, 29 // JUSTICE.GOV. URL: www.justice.gov/sites/default/files/opa/legacy/2014/06/30/statement-of-facts.pdf (дата обращения: 19.03.2025).

Также, для обоснования экстерриториальности односторонних мер применяется доктрина эффекта, которая распространяет действие закона на факт или событие, если их последствия отражаются на территории государства. Так, Глава III Закона Хелмса-Бэртона 1996 года¹ дает право американским резидентам обращаться в суд для взыскания компенсации с лиц, вовлеченных в оборот имущества, которое было конфисковано после революции. Нормы распространяются на сделки с имуществом, происходящими вне территории государства, а также на любых лиц, причастных к незаконному обороту, в том числе иностранцев. Основанием экстерриториальности норм является нарушение интересов резидентов США, которым ранее принадлежало имущество.

Тем не менее, видится, что общей для экстерриториальности формулой, отражающей и условия ее применения, является наличие прямых, предсказуемых и существенных последствий². Сложно, усмотреть наличие соответствующих критериев в рассмотренной выше практике: наблюдается лишь косвенный эффект, который не обладает признаками существенности.

Широкое толкование применяется и к персональной связи. Как правило, она устанавливается исходя из наличия гражданства, постоянного проживания лица, резиденства, что является узким ее пониманием. Однако, США помимо традиционных критериев используют признак контроля, что делает односторонние ограничительные меры обязательными для иностранных юридических лиц, если они контролируются лицами, обладающие правовой связью с государством. Этот критерий применялся, например, в *The Cuban Democracy Act of 1992*, в рамках которого запрещается выдача лицензий, разрешающих дочерним компаниям американских организаций торговать в

¹ H.R.927 - Cuban Liberty and Democratic Solidarity (LIBERTAD) Act of 1996 // CONGRESS.GOV. URL: <https://www.congress.gov/bill/104th-congress/house-bill/927> (дата обращения: 19.03.2025).

² Judgment of the Court (Grand Chamber) of 6 September 2017, Intel Corp. v European Commission, Case C-413/14 P, § 40-65 // InfoCuria, URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-413/14> (дата обращения: 19.03.2025).

Кубой¹, и в *The Threat Reduction and Syria Human Rights Act 2012*, где понятия владение и контроль раскрывалось через установления формальных критериев контроля (владения более, чем 50% долей и голосов, членство в совете директоров) и фактического контроля, то есть возможностью определять действия и решения лица².

Этот подход применен еще в деле *Campagne Européenne Des Petroles S.A. v Sensor Nederland BV*, касающееся рассмотрения законности мер, принятых США в отношении строительства трубопровода Уренгой-Помары-Ужгород в 1981 году. Был введен запрет на экспорт в СССР всего оборудования, используемого для транспортировки нефти и газа, который, также, основывался и на принципе гражданства, и на принципе контроля. Суд постановил, что экстерриториальное применение закона к лицам, может быть оправдано только при условии, что на территории государства наблюдаются прямые и незаконные последствия³. Довольно сомнительно усмотрение прямого эффекта в результате деятельности, осуществляемой иностранными лицами за границей. Более того, юрисдикция на основе принципа контроля противоречит методу определения национальности корпорации, установленном Международным Судом в деле *Ahmadou Sadio Diallo*: она зависит от места регистрации, а не от национальности участников⁴.

Индикатором неправомерности расширения категории связи является принятие блокирующих актов. Так, в связи с принятием Закон Хелмса-Бэртона ЕС принял Регламент Совета (ЕС) No 2271/96⁵, который ни разу не

¹ H.R.5323 - Cuban Democracy Act of 1992, Section 6(a(1)) // CONGRESS.GOV. URL: <https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/house-bill/5323/text> (дата обращения: 19.03.2025).

² H.R.1905 - Iran Threat Reduction and Syria Human Rights Act of 2012, Section 218 (a(2)) // CONGRESS.GOV. URL: <https://www.congress.gov/bill/112th-congress/house-bill/1905/text> (дата обращения: 19.03.2025).

³ Hague District Court, *Campagne Européenne Des Petroles S.A. v Sensor Nederland BV*. 1982. § 7.3.4. // International Legal Materials. Volume 22, Issue 1. P. 66-74.

⁴ ICJ, *Ahmadou Sadio Diallo (Republic of Guinea v Democratic Republic of the Congo)*. Preliminary Objections, Judgment. 2007. § 89-94 // ICJ-CIJ.ORG. URL: <https://www.icj-cij.org/case/103> (дата обращения: 19.03.2025); ICJ, *Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (Belgium v Spain)*/ Judgment 1970. § 28-47 // ICJ-CIJ.ORG. URL: <https://www.icj-cij.org/case/50> (дата обращения: 19.03.2025).

⁵ Council Regulation (EC) No 2271/96 of 22 November 1996 protecting against the effects of the extra-territorial application of legislation adopted by a third country, and actions based thereon or resulting therefrom 1996 // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/1996/2271/oj/eng> (дата обращения: 19.03.2025).

применялся, поскольку напряженность была решена дипломатическим путем. Однако, после прекращения участия США в Совместном всеобъемлющем плане действий, ЕС принял обновленный блокирующий статут 2018 года¹, хотя практического эффекта это регулирование, также, не дало. Более успешным примером является канадский закон о блокировке². Так, в 1997 году канадская компания *Wal-Mart Canada*, являющееся дочерней по отношению к американской *Wal-Mart Stores Inc.* продавала пижамы в Кубе, нарушая американский режим односторонних ограничительных мер. Тем не менее, оценив риски, *Wal-Mart Canada* выполнила канадские законы, поэтому материнская компания была вынуждена заплатить штрафы³.

Еще одной проблемой является применения режима в отсутствие какой-либо связи с государством, что свойственно вторичным односторонним ограничительным мерам. Например, *The Iran freedom and Counter-Proliferation Act of 2012 (IFCPA)*, вводящий ограничения против энергетического и других секторов экономики Ирана, распространяет их на лиц, сознательно предоставляющих финансовую, материальную, технологическую и иную помощь⁴. Следовательно, акт не обуславливает меры ничем, кроме совершения определенных действий. США, как правило, ссылаются на угрозу международной и национальной безопасности, оправдывая подобные меры. Авторами отмечается, что экстерриториальность может быть оправдана требованиями безопасности, но только с соблюдением условия затрагивания

¹ Commission Implementing Regulation (EU) 2018/1101 of 3 August 2018 laying down the criteria for the application of the second paragraph of Article 5 of Council Regulation (ec) No 2271/96 protecting against the effects of the extra-territorial application of legislation adopted by a third country, and actions based thereon or resulting therefrom 2018 // EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg_impl/2018/1101/oj/eng (дата обращения: 19.03.2025)

² Foreign Extraterritorial Measures (United States) Order, SOR/1990-751 (Can.); Foreign Extraterritorial Measures (United States) Order, SOR/1992-584 (Can.); Foreign Extraterritorial Measures (United States) Order, SOR/1996-84 (Can.).

³ David E Sanger, *Wal-Mart Canada Is Putting Cuban Pajamas Back on Shelf* // The New York Times. 14 March 1997. URL: <https://www.nytimes.com/1997/03/14/business/wal-mart-canada-is-putting-cuban-pajamas-back-on-shelf.html>. (дата обращения: 19.03.2025)

⁴ Iran Freedom and Counter-Proliferation Act of 2012 (IFCA) (Public Law 112-239), Section 1244 // OFAC.TREASURY.GOV. URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://ofac.treasury.gov/media/5746/download?inline> (дата обращения: 19.03.2025).

существенных интересов государства. Таковыми, как правило, признаются раскрытие уголовных дел, применение внутреннего акта в этом случае будет оправдано принципом защиты¹. Однако, принцип защиты имеет крайне ограниченное действие, и не может основываться на косвенных угрозах национальной безопасности, которые *a priori* не могут быть признаны существенными. Кроме того, доктрина не выделяет в рамках принципа защиты обеспечение международной безопасности, которая обеспечивается и восстанавливается посредством иных международно-правовых механизмов².

Таким образом, расширение понимая территориальной и персональной связи, а также, ничем не обусловленная экстерриториальность не соответствуют принятой международной практике и не оспариваются, поскольку дублирующие друг друга режимы односторонних ограничительных мер разных государств нивелируют негативный эффект нарушения некоторыми из них принципов юрисдикции. Однако, видится, что описанная тенденция может противоречить упомянутым ранее принципам невмешательства во внутренние дела государств и суверенного равенства³.

Резюмируя вышесказанное, следует сделать вывод о неопределенности природы односторонних ограничительных мер. Однако, можно выделить ряд критериев, которым должны соответствовать меры, чтобы не противоречить нормам и принципам международного права:

- Наличие нарушения международного обязательства *erga omnes partes* или *erga omnes* по аналогии с критериями, установленными для призвания к ответственности третьими государствами в проекте статей об ответственности государств.
- Целенаправленность, то есть отсутствие всеобъемлющего характера.

¹ Y. Kerbrat. Указ. соч. P. 183-184.

² Nagel, Anna. Unilateral Extraterritorial Sanctions: The Search for a Jurisdictional Justification under International Law. // LSE Law Review. 2023. P. 386-387.

³ R Mohamad. Unilateral Sanctions in International Law: A Quest for Legality // AZ Marossi and MR Bassett (eds), Economic Sanctions Under International Law: Unilateralism, Multilateralism, Legitimacy, and Consequences. TMC Asser Press. 2015. P. 75-76.

- Соответствие принципам юрисдикции.
- Соответствие международным обязательствам, установленными конвенционным правом.
- Соответствие гуманитарному праву и нормам о защите прав человека.
- Временный характер и эффективность мер.

Тем не менее, выделенные критерии не делают односторонние меры безусловно правомерными, поскольку наличие схожего по режиму механизма – контрмер, уже предусмотрено обычным международным правом с естественными ограничениями. Автор не приводит среди критериев соответствия нормам о контрмерах, поскольку он нивелировал бы рассматриваемый институт и свел бы все к уже существующим нормам обычного международного права. Однако, ориентируясь на сложившуюся практику и делая вывод о распространенности применения односторонних мер, автор считает целесообразным выделение рассматриваемого явления в качестве отдельного института и установления разумных ограничений его применения.

Таким образом, отсутствие международно-правового регулирования односторонних ограничительных мер в совокупности с невозможностью признания их применения в качестве обычной нормы, в том числе в силу принципа *ex injuria jus non oritur*, позволяет констатировать существования опровержимой презумпции неправомерности института в случае несоответствия вышеперечисленным требованиям.

§ 2.2. Реализация права на справедливое судебное разбирательство в условиях применения односторонних ограничительных мер.

Ранее было рассмотрено право на справедливое судебное разбирательство и выделены его элементы. Односторонние ограничительные меры нередко затрагивают рассматриваемое право, мешая полной реализации его составляющих. Далее будет проанализирована практика, демонстрирующая влияние мер на осуществление отдельных элементов такого права.

Важно отметить, что применяющие меры государства, как правило, квалифицируют их как административный, а не уголовный механизм, что позволяет избежать использования гарантий соблюдения процессуальных норм, презумпции невиновности и справедливого судебного разбирательства. Однако, мнение о квазиуголовном характере мер нередко встречается среди ученых¹. Несмотря на то, что по цели меры, действительно, сложно квалифицировать как карательные, последствия их применения позволяют придать им соответствующий характер, поскольку они приводят к серьезным ограничениям основных прав. Практика применения односторонних мер последовательно придает административным по природе мерам свойственное уголовным инструментам содержание. Гибридный характер рассматриваемого института подчеркивается принятием 28 ноября 2022 года Советом ЕС решения о включении нарушения мер в список преступлений, находящийся в Договоре о функционировании ЕС², и Директивы об определении уголовных преступлений и наказаниях за нарушение ограничительных мер ЕС³. Однако, все еще встречается размывание границ

¹ Aksenova Marina. Targeted Sanctions – Enforcing International Norms Through the Backdoor? // European Journal of International Law. URL: https://www.ejiltalk.org/targeted-sanctions-enforcing-international-norms-through-the-backdoor/?utm_source.com (дата обращения: 19.03.2025)

² Why the EU adopts sanctions // URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/why-sanctions/#violation>

³ Directive (EU) 2024/1226 of the European Parliament and of the Council of 24 April 2024 on the definition of criminal offences and penalties for the violation of Union restrictive measures and amending Directive (EU) 2018/1673 // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2024/1226/oj/eng> (дата обращения: 19.03.2025).

между административным и уголовным правом, что необходимо учитывать при анализе судебной практики.

Одним из первых и основополагающих споров, касающегося рассматриваемого права, является дело *Organisation des Modjahedines du peuple d'Iran v Council of European Union* (далее – дело *OMPI*), в рамках которого было уделено внимание соблюдению права быть заслушанным, как элементу права на справедливое судебное разбирательство. Оно подлежит соблюдению всегда, когда за разбирательством может последовать применение меры, оказывающий отрицательное влияние на лицо, каковыми являются, в том числе, финансовые ограничительные меры.

Важно уточнить, что приведенный в первом разделе список элементов права на справедливое судебное разбирательство не содержит право быть заслушанным. Однако, как было сказано ранее, список составляющих права не является закрытым, следовательно, конкретная ситуация может вывести новый элемент. Тем не менее, право быть заслушанным не является абсолютно новым. Суд ЕС говорит о его проявлении в двух аспектах: необходимости уведомления о представленных доказательствах и предоставлении возможности выразить свою точку зрения¹. Эти аспекты соответствуют упомянутым в первом разделе праву быть уведомленным и праву на доступ к правосудию.

В рассматриваемом деле поднимается вопрос гарантирования этого права в рамках административной процедуры, а также до принятия актов, вводящих соответствующие меры, поскольку они принимаются в рамках законодательного процесса, который не предполагает уведомление заинтересованного лица или возможности быть заслушанным. Кроме того, был поднят вопрос о соотношении эффективности мер и процессуальных прав, поскольку уведомление до вступления в силу решений препятствует

¹ Judgment of the Court of First Instance (Second Chamber) of 12 December 2006. *Organisation des Modjahedines du peuple d'Iran v Council of the European Union*. Case T-228/02, § 93 // InfoCuria, URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?language=en&num=T-228/02> (дата обращения: 19.03.2025).

достижению цели, поскольку позволяет лицу воспользоваться образовавшимся промежутком времени для перевода средств. Наконец, видится, что адресат мер не лишен права обратиться с иском для оспаривания введенных мер после принятия соответствующих актов¹.

Суд первой инстанции разграничил понятия права быть заслушанным и реализация права на справедливое судебное разбирательство, подчеркнув необходимость реализации первого и в рамках административной процедуры. Законодательная природа акта, вводящего меры, сомнительна, поскольку он имеет непосредственные отношения к заявителю и, следовательно, индивидуальный характер².

Конфликт эффективности и права быть уведомленным решен в пользу первого, хотя Суд подчеркнул необходимость соблюдение последнего одновременно с принятием решения о замораживании средств или максимально короткий срок после принятия, а также исключил применение этого порядка к последующим решениям, то есть продлению действия ограничений, так как средства уже не могут быть использованы, следовательно, риск недостижения цели отсутствует³. Аналогичные заключения Суд ЕС привел в деле *Yassin Abdullah Kadi and Al Barakaat International Foundation v. Council of the European Union* (далее - дело *Kadi I*).⁴

Видится, что сделанный Судом вывод противоречит ч. 2 ст. 41 Хартии ЕС об основных правах, которая предусматривает «право каждого лица быть заслушанным до принятия по отношению к нему меры индивидуального характера, влекущего для него неблагоприятные последствия», хотя это противоречие компенсируется гарантией дальнейшего пересмотра решения.

¹ Там же, § 77-82.

² Там же, § 95-102

³ Там же, § 128-131.

⁴ Judgment of the Court (Grand Chamber) of 3 September 2008. *Yassin Abdullah Kadi and Al Barakaat International Foundation v Council of the European Union and Commission of the European Communities*. Joined cases C-402/05 P and C-415/05 P. (ECJ, Kadi I Judgment 2008), § 336, 342 // InfoCuria, URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-402/05> (дата обращения: 19.03.2025).

Таким образом, право быть заслушанным ограничивается в пользу интересов государства, применяющего односторонние ограничительные меры, поскольку в противном случае невозможно обеспечить их эффективность.

Другой основополагающей гарантией реализации права на справедливое судебное разбирательство и его элементом является право на доступ к правосудию. Вопрос об осуществлении последнего поднимался в ряде дел, связанных с применением принуждения. Интересная практика сложилась при реализации государствами санкций СБ ООН путем введения односторонних ограничительных мер. Так, в деле *Al-Dulimi and Montana Management Inc. v. Switzerland*, иракский гражданин с целью оспорить замораживание активов в Швейцарии в связи с включением в санкционный список СБ ООН обратился в ЕСПЧ, поскольку швейцарские суды, сославшись на обязательства перед ООН и на отсутствие права проверять соответствия санкций правам человека, оставили жалобу без удовлетворения.

ЕСПЧ постановил, что даже исполнение резолюций СБ ООН не освобождает государства от соблюдения прав человека, поскольку первые принимаются в условиях кризиса, что не способствует соблюдению гарантий, которые необходимы в контексте этих мер. Кроме того, в силу отсутствия четкой и недвусмысленной формулировки в резолюции сложно усмотреть запрет на осуществление контроля за законностью и обоснованностью ограничений национальными судами, а также за соблюдением прав человека, поэтому Швейцария не может ссылаться на принцип приоритета, закрепленный в ст. 103 Устава ООН, оправдывая отсутствие судебной проверки. Следовательно, ответчик не выполняет свои обязательства по ст. 6(1) ЕКПЧ в силу отсутствия эффективного механизма пересмотра введенных ограничительных мер¹.

¹ Judgment of the ECHR (Grand Chamber), *Al-Dulimi and Montana Management Inc. v. Switzerland*, Application No. 5809/08, 21 June 2016, § 145-149 // HUDOC, URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng/?i=001-164515> (дата обращения: 19.03.2025).

Случаи, демонстрирующие явное несоблюдение права на доступ к правосудию, встречаются и в иных национальных правовых порядках. Например, в США в деле *People's Mojahedin Organisation of Iran v Department of State* Апелляционный суд округа Колумбия признал, что процессуальные и иные конституционные права принадлежат только лицам, находящимся на территории государства или имеющим существенные связи с ним¹. В дальнейшем этот вывод подтверждался практикой: в деле *National Council of Resistance of Iran v Department of State* организация имела счет в национальном банке США, что позволило установить существенную связь и возможность пересмотра нахождения заинтересованного лица в SDN списке², а в деле *Al-Aqueel v Paulson* этой связью была признана работа гражданина Саудовской Аравии в американской компании. Следовательно, сущность и природа связи с государством зависит от конкретного случая³. Тем не менее, выделение такого критерия может быть признано ограничением права на справедливое судебное разбирательство, которое необходимо, поскольку лицо претерпевает негативные последствия мер.

Таким образом, право на доступ к правосудию нередко подвергается косвенным ограничениям, что должно быть оценено негативно. Видится, что причиной рассмотренного явления можно считать цель мер, направленных на предотвращение осуществления лицами определенной деятельности в будущем, и их административной, внесудебной природой. Однако, судебная практика демонстрирует стремление уменьшить и нивелировать негативный эффект. Но важно отметить, что споры сопряжены с временными,

¹ United States Court of Appeals, District of Columbia Circuit. *People's Mojahedin Organisation of Iran v Department of State*. 182 F3d 17 (DC Cir 1999) // Derek P. Jinks. *The American Journal of International Law*, Vol. 94, No. 2 (Apr., 2000), P. 396-400.

² United States Court of Appeals, District of Columbia Circuit. *National Council of Resistance of Iran v Department of State*. 251 F3d 192 (DC Cir 2001). § 42 // LAW.RESOURCE.ORG. URL: <https://law.resource.org/pub/us/case/reporter/F3/251/251.F3d.192.99-1439.99-1438.html> (дата обращения: 19.03.2025).

³ United States Court of Appeals, District of Columbia Circuit. *Al-Aqueel v Paulson*. 568 F2d 64 (DC Cir 2008). § 69–71 // FREE.LAW. URL: <https://www.courtlistener.com/opinion/2374773/al-aeel-v-paulson/> (дата обращения: 19.03.2025).

материальными и административными издержками и в совокупности с действием ограничений не облегчат бремя заявителя.

Также, автономные ограничительные меры в силу неопределённости природы и неясности используемых в законах формулировок могут создавать препятствия для осуществления правосудия. Так, в деле *PJSC National Bank Trust and other v. Boris Mints and others* одним из основных был признан вопрос соблюдения принципа доступа к правосудию в связи с финансовыми ограничениями, установленными *Sanctions and Anti-Money Laundering Act 2018*, в частности, требование о заморозки активов и запрет на предоставление средств¹. Ответчики считали, что поскольку Закон 2018 года прямо предусматривает возможность обратиться в суд лишь в связи с целью оспорить свое нахождение в списке², иные поводы будут ему противоречить³, а вынесение решения в пользу истцов, которые требуют возмещение убытков в размере около 850 млн долларов, будет являться предоставлением средств, которое прямо запрещено законодательством об односторонних ограничительных мерах⁴. Кроме того, упомянутые ограничения препятствуют возможности истца выполнить приказ об обеспечении расходов, выплатить судебные издержки в случае победы ответчиков и перекрёстное соглашение о возмещении убытков, поэтому ответчики ходатайствовали о приостановлении рассмотрения дела. Истцы ссылаются на преюдициальность соответствующего британского регулирования по отношению к Регламенту Совета ЕС 269/2014⁵, ст. 7(2(c)) которого предусматривает исключение из финансовых ограничений

¹ Section 3(1) Sanctions and Anti-Money Laundering Act 2018 // Legislation.gov.uk. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2018/13/contents> (дата обращения: 19.03.2025).

² Sections 25, 38 Sanctions and Anti-Money Laundering Act 2018

³ The Court of Appeal (Civil Division) on Appeal from the High Court of Justice Business and Property Courts of England and Wales Commercial Court (Kb) Cockerill J. *PJSC National Bank Trust and other v. Boris Mints and others* [2023] EWHC 118 (Comm), Case No: CA-2023-000464. § 81 // BAILII. URL: [https://www.bailii.org/cgi-bin/format.cgi?doc=/ew/cases/EWHC/Comm/2023/118.html&query=\(.2023.\)+AND+\(EWHC\)+AND+\(118\)](https://www.bailii.org/cgi-bin/format.cgi?doc=/ew/cases/EWHC/Comm/2023/118.html&query=(.2023.)+AND+(EWHC)+AND+(118)) (дата обращения: 19.03.2025).

⁴ Там же, § 123

⁵ Council Regulation (EU) No 269/2014 of 17 March 2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2014/269/oj/eng> (дата обращения: 19.03.2025).

в связи с необходимостью выплаты платежей в соответствии с судебными решениями.

Суд, вопреки аргументации ответчиков, не нашел оснований для ограничения права на доступ к правосудию в связи с отсутствием прямого упоминания такового в Законе и Регламенте, следовательно, режим ограничительных мер Великобритании не запрещает вынесение судебного решения в пользу лиц, подвергшихся действиям мер¹. А оплата неблагоприятных расходов и платежей в соответствии с перекрестным соглашением о возмещении убытков может быть лицензирована *OFSP*². Таким образом, право на доступ к правосудию не может быть ограничено в связи с действием режима ограничительных мер, что, однако, не всегда очевидно и, соответственно, приводит к возникновению споров.

Тем не менее, это возлагает на стороны разбирательства определенные административные и временные издержки во время исполнения решения судебных органов, поскольку финансовые ограничения преодолимы только путем получения разрешения на использование средств адресата мер. Так, законодательство США, в отличие от предыдущего примера, прямо предусматривает возможность судебного разбирательства с участием адресатов мер, но вводит запрет на наложение ареста, вынесение судебного решения в отношении замороженных средств и активов без получения лицензии³. Аналогичное регулирование в отношении возможности вынесения и исполнения судебного решения, касающееся лица, попавшего в список, реализуется в ЕС. В деле *Bank Sepah v. Overseas Financial Ltd. And Oaktree Finance Ltd* Суд установил необходимость получения соответствующего разрешения властей на использование замороженных активов с целью применения обеспечительных мер в рамках судебного разбирательства, например, наложения ареста на них (*preventive attachment*), судебного залога

¹ PJSC National Bank Trust and other v. Boris Mints and others [2023] EWHC 118 (Comm), § 134-138, 162.

² Там же, § 179, 183, 198

³ 31 CFR § 501.605 // eCFR.GOV. URL: <https://www.ecfr.gov/current/title-31/subtitle-B/chapter-V/part-501/subpart-C/section-501.605> (дата обращения: 19.03.2025).

(*judicial lien*), поскольку они приводят к изменению назначения замороженных средств, а также позволяют адресату мер использовать ценность средств в связи с выплатой таковых кредиторам после их освобождения¹. Следовательно, использование мер, не предполагающих изъятие имущества и изменение его принадлежности, а лишь устанавливающих право на выплату в приоритетном порядке в пользу определенного кредитора, имеет разрешительный характер.

Таким образом, неопределенность и исключительность односторонних ограничительных мер приводит к фактическому лишению права на доступ к правосудию или к задержке судебного разбирательства, что, нарушает право на рассмотрение дела в разумный срок. Хотя, одновременно прослеживаются положительные тенденции к обеспечению реализации упомянутых прав и гарантий.

Еще одним составляющим права на справедливое судебное разбирательство является право на изложение причин. В уже упомянутом выше деле *ОМПИ* Суд указал на особую важность соблюдения соответствующего обязательства Советом в связи с отсутствием права быть заслушанным и уведомленным до принятия ограничений, поскольку рассматриваемый элемент позволяет адресату мер оценить обоснованность решения, оспорить его, эффективно используя средства правовой защиты, а также дает судам возможность пересмотреть законность и действительность решения².

Причины, используемые для мотивирования введенных мер, должны соответствовать ряду критериев, выработанных судебной практикой. Во-первых, мотивировка должна ясно и недвусмысленно изложить аргументацию, понятную как заявителю, так и судебному органу. Во-вторых, в качестве критерия следует выделить соответствие характеру оспариваемого

¹ Judgment of the Court (First Chamber) of 11 November 2021. *Bank Sepah v Overseas Financial Limited and Oaktree Finance Limited*. Request for a preliminary ruling from the Cour de cassation. Case C-340/20. § 55, 60, 61, 76 // InfoCuria, URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?lgrec=fr&td=%3BALL&language=en&num=C-340/20&jur=C> (дата обращения: 19.03.2025).

² CFI, *ОМПИ* Judgment 2006, § 138-143.

акта и контексту, в котором он принят. В-третьих, причина должна указывать на конкретные факты, а не состоять лишь из общей и стереотипной формулировки. Хотя нет необходимости предоставлять исчерпывающий список фактических и правовых обоснований, степень точности и достаточности оценивается в каждом конкретном случае с учетом контекста и фактических обстоятельств¹. Кроме того, Совет должен представить, по крайней мере, одну причину, отвечающую требованиям подробности и конкретности².

Действительно, судебная практика демонстрирует зависимость требуемой степени точности, ясности и достаточности изложения причин от конкретной ситуации. Так, в деле *Rosneft Oil Company PAO and Others v. Council of the European Union* Суд, подтверждая это утверждение, делает вывод о соответствии мотивировки перечисленным требованием, если меры приняты в обстоятельствах, известных адресату и дающих возможность стороне выявить причины самостоятельно. Роснефть, как профессиональный участник рынка, не могла разумно не ожидать введение ограничений, поскольку в состоянии сопоставить свое фактическое положение и изложенные в Регламенте 833/2014³ критерии. Кроме того, факт соответствия критериям не оспаривался заявителем. Цель введения самих мер, также, может быть выявлена участником рынка поскольку является «очевидной»⁴.

К противоположному результату Суд пришел в ходе определения достаточности и точности обоснования решения об ограничительных мерах в деле *Viktor Fedorovych Yanukovych v. Council of the European Union*. Суд не счел

¹ Judgment of the General Court (Ninth Chamber, Extended Composition) of 15 September 2016. *Viktor Fedorovych Yanukovych v Council of the European Union*. Case T-346/14, § 77-79 // EUR-Lex, URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:62014TJ0346> (дата обращения: 19.03.2025).

² Judgment of the Court (Grand Chamber), 18 July 2013. *European Commission and Others v Yassin Abdullah Kadi* (ECJ, Kadi II Judgment 2013). Joined Cases C-584/10 P, C-593/10 P and C-595/10 P. § 119, 130 // InfoCuria, URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=584/10&language=en> (дата обращения: 19.03.2025).

³ Council Regulation (EU) No 833/2014 of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2014/833/oj/eng> (дата обращения: 19.03.2025).

⁴ Judgment of the Court (Seventh Chamber) of 17 September 2020. *PAO Rosneft Oil Company and Others v Council of the European Union*. Appeal. Case C-732/18 P. § 75–85 // InfoCuria, URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-732/18> (дата обращения: 19.03.2025).

аргументацию достаточной и основанной на фактической основе, поскольку Совет сослался только на письмо, свидетельствующее о начале расследование против заявителя, содержащее общие, неподтвержденные и необоснованные формулировки, что не может быть признано конкретным доказательством, следовательно, не способствует реализации права на изложение причин¹.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что, в целом, практика демонстрирует должное выполнение рассматриваемого права. Тем не менее, видится, что перекладывание оценки причин на адресата мер является умалением соответствующего права и уменьшает его положительный эффект, осложняя процедуру судебного разбирательства для заинтересованного лица.

Рассмотренный выше элемент права на справедливое судебное разбирательство во время судебного заседания перетекает в вопрос доказанности наличия основания введения мер против конкретного лица. Проблема относимости, достаточности, допустимости и достоверности доказательств актуальна для режимов односторонних ограничительных мер. Гибридный характер мер требует предоставления лицам гарантий, свойственных уголовному процессу, следовательно, доказательства, предоставленные Советом ЕС в качестве основания включения лица в списки, должны отвечать вышеупомянутым критериям. Однако, эти условия соблюдается не всегда. Так, в деле *Petr Aven v Council of the European Union* Суд ЕС пришел к выводу о неконкретности, неточности и непоследовательности доказательств Совета ЕС. Петр Авен был включен в список в Приложении к Решению № 2014/145² и Регламент № 269/2014³ на основании ст. 2(1(a)) и (2(b)) указанного Решения и ст. 3(1(a)) и (1(b))

¹ Viktor Fedorovych Yanukovych v. Council of the European Union, § 40-49.

² Council Decision 2014/145/CFSP of 17 March 2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine // EUR-Lex. URL: [https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/2014/145\(1\)/oj/eng](https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/2014/145(1)/oj/eng) (дата обращения: 19.03.2025).

³ Council Regulation (EU) No 269/2014 of 17 March 2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2014/269/oj/eng> (дата обращения: 19.03.2025).

Регламента. Совет ЕС среди доказательств представил статью в *The Daily Beast* от 6 апреля 2018 года, подтверждающую факт контроля заявителя «Альфа-Групп», статью, подтверждающую помощь президенту РФ, когда последний был еще министром внешнеэкономических связей и ряд других источников в СМИ¹. Суд не принял ни одно из оснований в силу следующих причин².

Некоторые основания, приведенные Советом ЕС, формально не соответствуют упомянутому законодательству: утверждение о близости к президенту и принадлежности к 50 влиятельным бизнесменам, которых глава государства регулярно принимает, даже если бы были подтверждены (а обоснование отсутствует), не способны продемонстрировать, что заявитель поддерживал политику, в связи с которой приняты меры, или предоставлял материальную или финансовую помощь³. Часть доказательств относятся к деятельности, совершаемой до принятия Решения и Регламента. Суд ЕС отметил, что в этом случае предмет и цель законодательства об ограничительных мерах не соблюдаются, поскольку оно является реакцией на политику властей РФ в отношении Украины, а не на их поведение вообще. Кроме того, лица, осуществляющие обозначенную соответствующим законодательством деятельность, должны знать о ней и понимать, что она может повлечь наложение ограничений⁴. Более того, доказательства, указывающие лишь на статус акционера крупной компании, не свидетельствуют о запрещенной деятельности⁵. Другие источники, анализируемые в деле, также, не способны продемонстрировать соответствие заявителя критериям, являющихся основанием распространения на него ограничительных мер. Аналогичные выводы сделаны в деле *Mikhail Fridman v*

¹ Judgment of the General Court (First Chamber) of 10 April 2024. Petr Aven v Council of the European Union. Case T-301/22, § 21// InfoCuria, URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?language=en&td=ALL&num=T-301/22> (дата обращения: 01.03.2025)

² Там же, § 87.

³ Там же, § 44, 45.

⁴ Там же, § 47-53.

⁵ Там же, § 54-56.

Council of the European Union, Суд ЕС, также не принял ни одно из доказательств, представленных Советом ЕС¹.

Вопрос использования СМИ в качестве доказательственной базы поднимался ранее в деле *Liberation Tigers of Tamil Eelam (LTTE) v. Council of the European Union*. Заявитель утверждал, что принятие решения, основанного лишь на прессе, найденной в информационной сети Интернет, свидетельствует о недостаточности фактических и юридических оснований для введения мер. Суд поддержал *LTTE*, указав на возможность осуществления Советом ЕС дискреционных полномочий только при условии наличия надежной фактологической основы. При отсутствии у ЕС возможности расследования собственными средствами этому требованию соответствует ссылка на акты компетентных органов, согласно Общей позиции 2001/931/CFSP о применении конкретных мер по борьбе с терроризмом². Однако, этот вывод основан лишь на обязательстве, установленном в упомянутой Общей позиции, что оставляет открытым вопрос об общей возможности использования СМИ в качестве источника доказательств.

Соответствующий вопрос поднимается в деле *Mohamad Hamcho and Hamsho International v. Council of the European Union*, в котором, несмотря на утверждение заявителей о расплывчатом и абстрактном характере источников, являющихся вырезками из прессы, а также отсутствия в них ссылки на первичное происхождение информации, Суд признал их доказательную силу. В качестве обоснования Суд отметил разнообразие источников, включая академические исследования, разные даты их опубликования, широкий спектр

¹ Judgment of the General Court (First Chamber) of 10 April 2024. *Mikhail Fridman v Council of the European Union*. Case T-304/22, § 67. // InfoCuria, URL:

<https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?language=en&td=ALL&num=T-304/22> (дата обращения: 01.03.2025)

² Judgment of the General Court (Sixth Chamber, Extended Composition), 16 October 2014. *Liberation Tigers of Tamil Eelam (LTTE) v Council of the European Union*. Joined Cases T-208/11 and T-508/11. § 164, 187-188 // InfoCuria, URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=T-208/11&language=EN> (дата обращения: 19.03.2025); Council Common Position of 27 December 2001 on the application of specific measures to combat terrorism, Article 1(4) // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32001E0931> (дата обращения: 19.03.2025).

фактов в совокупности со схожестью общей информации, что позволяет считать их в совокупности достоверными¹.

Таким образом, использование СМИ в качестве доказательственной базы возможно при соблюдении ряда условий, позволяющими Суду оценить их как достоверные. Вероятно, материалы СМИ не могут представляться в единственном числе, поскольку это вызывает сомнение в их соответствии требованиям подробности и конкретности, следовательно, видится, что лишь совокупность источников могут сформировать надлежащую доказательную базу.

Еще более сомнительным в рассматриваемом контексте является подход к доказыванию, используемый в США, где, как правило, антитеррористические режимы ограничительных мер позволяют замораживать средства при наличии «основания полагать», что действия лиц нарушают Исполнительный Указ 13224². Другие стандарты доказывания, оперируемые в рамках антикоррупционных режимов, также вызывают вопросы. Так, Закон Магнитского 2016 года содержит положение о достоверного доказательства (*credible evidence*)³. Видится, что упомянутые формулировки устанавливают низкие стандарты доказывая, что нарушает баланс интересов, поскольку последствия односторонних ограничительных мер сравнимы с уголовными наказаниями.

Наиболее ярким примером несовершенства механизма сбора и оценки доказательств является недавнее включение в SDN список Международного инвестиционного банка, как российского банка⁴. Однако, это действующая с

¹ Judgment of the General Court (Seventh Chamber) of 26 October 2016. Mohamad Hamcho and Hamcho International v Council of the European Union. Case T-153/15. § 79-90 // InfoCuria, URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?lgrec=fr&td=%3BALL&language=en&num=T-153/15%20R&jur=T> (дата обращения: 19.03.2025).

² Executive Order 13224 // OFAC. URL: <https://ofac.treasury.gov/recent-actions/20010924> (дата обращения: 19.03.2025).

³ S.2943 - National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2017, Section 1263(a) // CONGRESS.GOV. URL: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/senate-bill/2943/text> (дата обращения: 19.03.2025).

⁴ Russia-related Designations; Issuance of Russia-related and Russia-/Ukraine-related General Licenses; Implementation of the Federal Civil Penalties Inflation Adjustment Act. Specially Designated Nationals List Update. URL: <https://ofac.treasury.gov/recent-actions/20250115> (дата обращения: 19.03.2025).

1971 года международная межправительственная организация, не имеющая банковской лицензии¹.

Еще один чувствительный вопрос, касающийся доказательств, который поднимается в судебной практике – доступ заявителя и суда к конфиденциальной информации и материалам, на основе которых было принято решение о включении лица в список. Например, в ЕС ст. 103 Регламента Суда общей юрисдикции регулирует этот вопрос, предоставляя Суду право принимать решение о необходимости разглашения конфиденциальных сведений стороне спора, соблюдая баланс между безопасностью и правом на судебную защиту, в частности, принципом состязательности². Следовательно, Суд получает безусловное право доступа к соответствующей информации. Этот подход находит свое отражение и в практике. Суд оценивает причины, которыми руководствуется Совет ЕС, обосновывая неразглашение материалов. Он может признать причины неубедительными и потребовать раскрытие информации, а также частичного раскрытия, признать обоснованность неразглашения, либо необходимость предоставления резюме с изложением содержания доказательственной информации³.

Таким образом, процесс доказывания соответствия критериям, установленными законодательством об ограничительных мерах является одним из самых уязвимых мест института, поскольку налагаемые на адресатов ограничения требуют обоснованности и доказанности, что позволит сохранить баланс интересов. Однако, в силу невозможности самостоятельного расследования, уполномоченные органы полагаются лишь на источники оценочной и непроверенной информации.

¹ Соглашение об образовании Международного инвестиционного банка, ст. 11; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Международным инвестиционным банком об условиях пребывания Международного инвестиционного банка на территории Российской Федерации, п. 4 ст. 2.

² Rules of procedure of the General Court, 23 April 2015. Official Journal of the European Union L 105/04. Article 103 // EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/proc_rules/2015/423/oj/eng (дата обращения: 19.03.2025).

³ ECJ, Kadi II Judgment 2013, § 126-129.

Рассматриваемый институт, также, осложнил применение права на защиту. Ст. 5n(2) Регламента Совета 833/2014 запрещает оказание юридических консультационных услуг юридическим лицам. Исключения составляют услуги, которые необходимы для осуществления права на защиту в судебном разбирательстве и права на эффективное судебное разбирательство. Также, положение не применяется при строгой необходимости для обеспечения доступа к судебному, административному или арбитражному разбирательству и для признания или исполнения решения, вынесенного в государстве-члене ЕС.

Этот запрет введен в конце 2022 года, ранее оказание юридических консультационных услуг было разрешено, если они не были направлены на обход односторонних ограничительных мер. Фактическая ситуация даже в отсутствие запрета была сопряжена с рядом сложностей, которые сказывались на возможности осуществления прав на доступ к правосудию и на юридическое представительство, поскольку юристы, защищая интересы лица, попавшего в список, сталкивались с репутационными рисками. Более того, из-за неочевидности грани между представлением интересов лица и нарушением законодательства об односторонних мерах существовал риск ответственности за их обход, что требует перманентной проверки действий и сделок на предмет законности. Если это действие или сделка не соответствует законодательству об односторонних мерах, но допускаются исключения из запрета, требуется получение разрешения уполномоченного органа. Однако, эта процедура значительно усложняет процесс, удлиняя его срок и увеличивая издержки, следовательно, приводит к нежеланию юристов оказывать помощь лицам, подвергшимся действию мер.

В условиях введенного запрета, ситуация, ожидаемо, ухудшилась, несмотря на наличие описанных выше исключений и определения понятия юридических консультационных услуг в преамбуле 19 Регламента 2022/1904, которое исключает из-под действия запрета представительство, консультирование, подготовку и проверку документов в связи с юридическим

представительством в административных, арбитражных и судебных разбирательствах¹. В силу опять же неясности в том, может ли юридический совет нарушить Регламент, увеличилось количество дел в связи с оспариванием этого запрета с указанием на нарушение права на юридическую помощь, гарантированного ст. 47 Хартии ЕС, и нарушение адвокатской тайны. Это позволило Суду ЕС дать толкование спорному положению. В деле *T-797/22 Ordre néerlandais des avocats du barreau de Bruxelles* Суд не усмотрел нарушение рассматриваемого права², но обозначил сферу действия запрета, согласно которому невозможно оказание юридических услуг только на «ранних стадиях», при юридическом сопровождении коммерческих и финансовых сделок, поскольку они не имеют связи с судебным или иным разбирательством, то есть являются неспорными вопросами³. При этом запрет не препятствует предоставлению услуг, которые предназначены для оценки правового положения с целью определить необходимость судебного разбирательства, поскольку иначе в отсутствие этой оценки невозможно выявить связь консультации с разбирательством⁴. Следовательно, предварительная юридическая проверка сделок возможна, но только при наличии цели определить ее спорность.

Интересно, что Судом вынесены аналогичные решения по подобным рассмотренному выше делам в связи с жалобой адвокатских образований на запрет оказания юридических услуг⁵. Сейчас на все решения поданы апелляционные жалобы.

¹ Council Regulation (EU) 2022/1904 of 6 October 2022 amending Regulation (EU) No 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/1904/oj/eng> (дата обращения: 19.03.2025).

² Judgment of the General Court (Grand Chamber) of 2 October 2024. *Ordre néerlandais des avocats du barreau de Bruxelles and Others v Council of the European Union*. Case T-797/22. § 64 // InfoCuria, URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=290608&pageIndex=0&doclang=en&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=3076111> (дата обращения: 21.04.2025)

³ Там же, § 57

⁴ Там же, § 56

⁵ Judgment of the General Court of 2 October 2024 – *Ordre des avocats à la cour de Paris and Couturier v Council*. Case T-798/22 // EUR-Lex, URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/C/2024/6935/oj/eng> (дата обращения: 21.04.2025); Judgment of the General Court (Grand Chamber) of 2 October 2024. *ACE-Avocats, ensemble v Council of the European Union*. Case T-828/22 // InfoCuria, URL:

Кроме того, наличие запрета привела к необходимости разграничения юридических услуг и обязательных услуг в общих интересах. Последние представляют собой деятельность, которую государственные органы или организации, уполномоченные государством, под надзором этих органов, обязаны выполнять в общественных интересах. Это определение Вторая палата Суда ЕС сформулировала в рамках дела *Jemerak*, предметом которого была деятельность нотариуса по удостоверению подлинности договора купли-продажи недвижимого имущества, что является публичной функцией, возложенной государством на нотариусов¹.

Косвенно препятствовать получению профессиональных юридических услуг могут трудности их оплаты. Даже в отсутствие прямого запрета на предоставление соответствующих услуг препятствие создается необходимостью соответствия условий оплаты принятым генеральным лицензиям, а в некоторых случаях требуется получение конкретной лицензии. Например, Генеральная лицензия в Великобритании ограничивает возможность оплаты юридических услуг лимитами, которые определяются в отношении следующего случая: средства выплачиваются в связи с обязательством, согласованным с лицом, к которому применяются ограничения, до включения его в список. Также, необходимо сообщать в Казначейство об использовании упомянутого документа. Выход за пределы сумм возможен только после подачи заявки на получение конкретной лицензии². Однако, на практике неопределённость формулировок генеральных лицензий может затруднить реализацию права на справедливое судебное разбирательство. Так, в деле *VTB Commodities Trading DAC v. JSC Antipinsky Refinery* первоначальные представители отказались от защиты

<https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=290616&pageIndex=0&doclang=FR&mode=req&dir=&occ=first&part=1&cid=14827175> (дата обращения: 21.04.2025).

¹ Judgment of the Court (Second Chamber) of 5 September 2024. *GM and ON v PR*. Request for a preliminary ruling from the Landgericht Berlin. Case C-109/23, § 41 // EUR-Lex, URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62023CJ0109> (дата обращения: 21.04.2025).

² UK General Licence INT/2024/4671884 // GOV.UK. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/legal-services-general-licence> (дата обращения: 21.04.2025).

интересов истца, поскольку в связи с применением в отношении последнего ограничительных мер, он не может оплатить соответствующие услуги, а конкретная лицензия не получена, поэтому от имени организации выступал генеральный директор. Кроме того, дело было отложено в связи с временными издержками на получения разрешения¹. Хотя в новой Генеральной лицензии, выданной до 28 апреля 2025 года некоторые неточности устранены, все еще действуют лимиты на оплату и ограничения на перевод денежных средств в других юрисдикциях и др.

Подобные ограничения встречаются в рамках других режимов односторонних мер. Например, законодательство ЕС не устанавливает лимиты, вопрос оплаты юридических услуг разрешается в рамках исключений из режима, а предел установлен посредством использование оценочного понятия разумные суммы². Размер конкретных ограничений устанавливается национальными органами в каждом конкретном случае. В США ситуация усложняется тем, что Генеральные лицензии не являются общими для всех режимов ограничительных мер, следовательно, регулирование может различаться, что требует учета и, также, является дополнительным усложнением для получения оплаты юридических услуг. Например, даже в случаях действия Генеральной или специальной лицензии, законодательство может запрещать оплату услуг из источника с территории США, из источника за пределами государства, но контролируемого гражданами США, или через других юридических и физических лиц, находящихся в SDN списке³. В условиях невозможности использования банковской системы США из-за соответствующих ограничений рассматриваемые операции едва

¹ In the High Court of Justice Business and Property Courts of England and Wales Commercial Court (KBD). VTB Commodities Trading DAC v. JSC Antipinsky Refinery. 2022. Case No: CL-2019-000281. EWHC 2795, § 31, 58, 69, 76-79 // BAILII. URL: [https://www.bailii.org/cgi-bin/format.cgi?doc=/ew/cases/EWHC/Comm/2022/2795.html&query=\(.2022.\)+AND+\(EWHC\)+AND+\(2795\)](https://www.bailii.org/cgi-bin/format.cgi?doc=/ew/cases/EWHC/Comm/2022/2795.html&query=(.2022.)+AND+(EWHC)+AND+(2795)) (дата обращения: 21.04.2025).

² Regulation (EU) No. 269/2014, Article 4.

³ 31 CFR §§ 583.508, 590.508 // eCFR. URL: <https://www.ecfr.gov/current/title-31/subtitle-B/chapter-V/part-583/subpart-E/section-583.508>; <https://www.ecfr.gov/current/title-31/subtitle-B/chapter-V/part-590/subpart-E/section-590.508> (дата обращения: 21.04.2025).

осуществимы. Различное регулирование устанавливает разные условия для реализации платежей: это может быть требование получения специальной лицензии, уведомления OFAC, предоставления периодической отчетности¹.

Таким образом, право на защиту и юридическую помощь не подвергается прямому запрету, если соответствующие услуги предоставляются с целью участия в судебном разбирательстве. Однако, наличие запретов на консультирование с целью участия в гражданском обороте, реализация последствий в виде заморозки денежных средств приводит к фактическому ограничению прав, поскольку риски и издержки при их осуществлении выше.

Гибридная природа мер, обуславливающаяся схожестью последствий их применения с уголовными наказаниями, позволяет поставить вопрос о соответствии применения ограничений принципу презумпции невиновности. Последний требует признания лица невиновным, пока не доказано обратное, он содержится ряде актов (например, ст. 6(2) ЕКЧП, ст. 48(1) Хартии основных прав). Тем не менее, рассмотренный выше конфликт эффективности применения мер обуславливает необходимость признания их предупредительной направленности, так как они вводятся с целью обеспечения безопасности, то есть предотвращения опасных ситуаций. В деле *Issam Anbouba v. Council* Суд признал неприменение презумпции невиновности по отношению к односторонним ограничениям, основываясь на представленной выше аргументации².

Напротив, односторонние ограничительные меры зачастую опираются на концепцию опровержимой презумпции, которая перекладывает бремя доказывания законности деятельности на предпринявшего ее лицо. Например, в основу Закона о предупреждении принудительного труда уйгуров положена

¹ 31 CFR § 594.506, § 560.553(b) // eCFR. URL: <https://www.ecfr.gov/current/title-31/subtitle-B/chapter-V/part-594/subpart-E/section-594.506>; <https://www.ecfr.gov/current/title-31/subtitle-B/chapter-V/part-560/subpart-E/section-560.553> (дата обращения: 21.04.2025).

² Judgment of the General Court (Sixth Chamber) of 13 September 2013. *Issam Anbouba v Council of the European Union*. Appeal. Case T-592/11, § 40-41// InfoCuria, URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-630/13&language=en> (дата обращения: 21.04.2025).

презумпция того, что любые товары, изделия, предметы и продукция, добытые, произведенные или изготовленные полностью или частично в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР или указанными в законе организациями, произведены с использованием принудительного труда, что перекладывает бремя доказывания отсутствия принуждения на организации¹. Аналогичный подход можно увидеть в разделе 321 Закона о противодействии противникам Америки посредством санкций, который вводит общий запрет на ввоз товаров, произведенных гражданами КНДР, если импортер не докажет, что при производстве не использовался принудительный труд, в том числе лиц, подвергнутых уголовным наказаниям². При этом, акты не содержат четких указаний на то, что может использоваться в качестве доказательств неиспользования принуждения.

Кроме того, ряд критериев, встречающихся в законодательстве об односторонних ограничительных мерах, также, могут фактически устанавливать презумпцию противоправности. Например, одним из оснований введения ограничительных мер против лиц является деятельность в секторах экономики, обеспечивающих существенный доход правительству, следовательно, принуждение используется исключительно в связи с деятельностью в определенном секторе экономики. Видится, что фактически действует опровержимая презумпция связи с политическим режимом, которая применяется при доказанности деятельности в соответствующей области и влияния лица в рамках нее (*leading business person*)³.

Специальный докладчик по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека Елена Довгань утверждает, что описанная выше практика является нарушением

¹ H.R.6256 - To ensure that goods made with forced labor in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of the People's Republic of China do not enter the United States market, and for other purposes. 23 December 2021, Section 3 // CONGRESS.GOV. URL: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/6256/text> (дата обращения: 21.04.2025).

² H.R.3364 - Countering America's Adversaries Through Sanctions Act, Section 321 // CONGRESS.GOV. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/3364/text> (дата обращения: 21.04.2025).

³ Council Regulation (EU) No 269/2014 of 17 March 2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine, Article 3(1)(g).

международного права, поскольку принцип презумпции невиновности является императивной нормой¹. В Замечании общего порядка № 32 Комитет по правам человека ООН отмечает, что гарантии, содержащиеся в ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года, должны соблюдаться «независимо от юридических традиций и внутреннего права»². Следовательно, отступление от гарантий уголовного процесса не может быть обусловлено формальным разграничением мер во внутреннем праве государств, которые, как правило, признают за односторонними мерами административный характер. Видится, что квалификация мер должна исходить из их сущности.

ЕСПЧ, также, отходит от формального подхода, установленном в национальном законодательстве государств. В деле *Engel and others v. the Netherlands* Суд разработал, так называемые, критерии Энгеля для выявления характера меры с целью определения применимости ст. 6 ЕКПЧ. Хотя в качестве первого критерия выделяются нормы, установленные внутренним правом, Суд подчеркивает их «формальную и относительную ценность», отдавая предпочтение оценке характера правонарушения и «степени суровости наказания»³.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о необходимости применения к мерам принципа презумпции невиновности, поскольку их сущность и характер сближает их с уголовным наказанием. Но несмотря на значительное негативное влияние на адресата, меры признаются имеющими административный и превентивный характер. Следовательно, на лицо, попавшее под действие мер, не распространяются набор прав и гарантий,

¹ «Доступ к правосудию в условиях односторонних санкций и их избыточного соблюдения. Доклад Специального докладчика по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека Елены Довгань», А/79/183 // Генеральная Ассамблея ООН. OHCHR.ORG. URL: <https://www.ohchr.org/ru/documents/thematic-reports/a79183-access-justice-face-unilateral-sanctions-and-overcompliance> (дата обращения: 21.04.2025).

² Комитет по правам человека. Замечание общего порядка № 32, CCPR/C/GC/32, 23 августа 2007 г. Девяностая сессия. Женева, 9-27 июля 2007 года. п. 4.

³ ECtHR, Case of Engel and others v. the Netherlands, Application no. 5100/71; 5101/71; 5102/71; 5354/72; 5370/72. Judgment of 8 June 1976, § 82 // HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57479> (дата обращения: 21.04.2025).

свойственных уголовным разбирательством, что усугубляет последствия ограничений. Видится, что применение мер сопряжено с дисбалансом интересов, который не устраняется применением составляющих права на справедливое судебное разбирательство.

Односторонние ограничительные меры поднимают довольно своеобразный вопрос об эффективности реализации права на судебную защиту и самого судебного разбирательства. Первая проблема в этом контексте связана с исполнением решения Суда. Так, в деле *Pumpyanskiy v Council* заявителю удалось оспорить ограничения, поскольку он на момент их введения не соответствовал критерию, установленным законодательством, следовательно, они не было достаточно обоснованы¹. Однако, Совет продлил меры, даже не изменив оспоренное основание. Дмитрий Пумпянский снова обратился в Суд, который во второй раз принял сторону заявителя². Но ограничения на него до сих пор распространяются в связи с недавним продлением их действия³. Следовательно, судебное признание нарушения права адресата мер не гарантирует его восстановление, что является нарушением международно-правовых обязательств в области прав человека.

Другая проблема связана не с необоснованным игнорированием решения Суда, но с противоречием и несогласованностью режимов односторонних ограничительных мер. Верховный Суд Швейцарии, не установив причинно-следственной связи между действиями ответчиков и ущербом заявителя, разрешил разморозку части средств первых на счетах в

¹ Judgment of the General Court (First Chamber), 26 June 2024, Case T-740/22, *Pumpyanskiy v Council*, § 66 // InfoCuria, URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=287602&pageIndex=0&doclang=en&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=9828965> (дата обращения: 21.04.2025).

² Judgment of the General Court (First Chamber), 2 April 2025, Case T-272/24, *Pumpyanskiy v Council*. // EUR-Lex, URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:62024TJ0272> (дата обращения: 21.04.2025).

³ Council Implementing Regulation (EU) 2025/527 of 14 March 2025 implementing Regulation (EU) No 269/2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine // EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg_impl/2025/527/oj/eng (дата обращения: 21.04.2025); Council Decision (CFSP) 2025/528 of 14 March 2025 amending Decision 2014/145/CFSP concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/2025/528/oj/eng> (дата обращения: 21.04.2025).

швейцарских банках¹. Однако, имена ответчиков находятся в SDN списке США, поэтому исполнение упомянутого решения будет нарушением режима односторонних ограничительных мер другого государства и, следовательно, влечь ответственность в соответствии с его законодательством. Так, швейцарские банки вынуждены будут заплатить штрафы, предусмотренные *The International Emergency Economic Powers Act*². Обратное решение о неисполнении решение швейцарских судов, будет влечь ответственность уже по швейцарскому законодательству.

Таким образом, одна из основных проблем рассматриваемого института – отсутствие оценки и регулирования в рамках международного права, что создает препятствия для обеспечения единообразия и согласованности, что, в свою очередь, приводит к нарушению прав человека.

¹ Верховный суд Швейцарии, палаты по уголовным делам. Решение от 21 января 2025 г. № 7B_60/2022 // BGER.CH. URL:

https://www.bger.ch/ext/eurospider/live/fr/php/aza/http/index.php?highlight_docid=aza%3A%2F%2Faza://21-01-2025-7B_60-2022&lang=de&zoom=&type=show_document (дата обращения: 21.04.2025).

² The International Emergency Economic Powers Act, Section 206 // govinfo.gov. URL:

<https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-1079/pdf/COMPS-1079.pdf> (дата обращения: 21.04.2025).

§ 2.3. Реализация права на владение имуществом в условиях применения односторонних ограничительных мер.

Как было сказано ранее, условно односторонние ограничительные меры можно разделить на финансовые, торговые и миграционные. Финансовые ограничения реализуются в форме заморозки средств и активов, что может вступить в прямой конфликт с обязательством государств обеспечить право на владение имуществом, гарантированное нормами международного публичного права.

Суды признают, что замораживание средств является вмешательством государства в реализацию права собственности. Однако, это право не является абсолютным, следовательно, возможно ограничение его осуществления, но только при соблюдении ряда условий. Так, в деле *Pumpyanskiy v. Council* Суд ЕС перечисляет следующие. Во-первых, вмешательство должно быть предусмотрено законом. Во-вторых, ограничения должны учитывать сущность прав, что проявляется во временности и обратимости применяемых мер. В-третьих, целью введения ограничений должен быть общий интерес. Наконец, меры должны отвечать требованию пропорциональности, то есть они не должны быть чрезмерными для адресата¹.

В рассматриваемом деле Дмитрию Пумпянскому не удалось оспорить ограничительные меры, в том числе посредством заявления о нарушении права собственности, поскольку Суд ЕС усмотрел соответствие мер всем вышеперечисленным критериям. Ограничения предусмотрены Решением 2014/145 и Регламентом 269/2014, что соответствует принципу законности. Кроме того, законодательство предусматривает механизмы, обеспечивающие реализацию условий временности и обратимости. Так, ст. 6 указанного Решения вводит периодический пересмотр мер с целью исключения лиц, которые перестали соответствовать установленным в нем критериям, а также

¹ Judgment of the General Court (First Chamber) of 6 September 2023. *Pumpyanskiy v. Council*, General Court, First Chamber, Case T-270/22, § 78 // InfoCuria, URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=T-270/22&language=en> (дата обращения: 21.04.2025).

ряд положений упомянутых документов содержат исключения, позволяющих использование замороженных средств для удовлетворения основных потребностей лица. Суд делает вывод о соблюдении требования пропорциональности, выводя его через анализ обоснованности применения к заявителю критерия «ведущего бизнесмена, занятым в секторах экономики, обеспечивающих существенный источник дохода Правительству», а также через отсутствие возможности применения альтернативных менее обременительных мер, поскольку они недостаточно эффективны для достижения цели законодательства¹.

Основным индикатором соблюдения условия соразмерности, при вмешательстве в осуществление права на владение имуществом, не связанном с реализацией уголовного наказания, является выплата справедливой компенсации. Однако, практика выработала исключение из этого принципа – концепцию «исключительных обстоятельств», которая оправдывает нарушение баланса интересов.

Вопросы замораживания и компенсации, как инструментов односторонних ограничительных мер, нечасто рассматриваются в судах. Однако, эти проблемы возникали и в других сферах. Так, в деле *James and Others v. the United Kingdom* 1986 года заявители утверждали, что *Leasehold Reform Act 1967* принудительно передавал собственность арендаторам, так как позволял последним выкупать арендуемую ими недвижимость, и следовательно, нарушал ст. 1 Протокола 1 к ЕКПЧ. При этом компенсация за имущество была ниже рыночной стоимости, что не отвечало требованию соразмерности. ЕСПЧ, однако, установил приоритет законной социальной цели, оправдывающей принятие упомянутого закона, над обеспечением права на владение имуществом. Также, Суд утверждает, что ст. 1 Протокола 1 к ЕКПЧ не гарантирует право на полную компенсацию при любых

¹ Там же, § 80-96.

обстоятельствах и ее размер определяется с учетом общественных интересов¹. Этот вывод подтверждается дальнейшей практикой².

Меры, введенные с целью обеспечения исполнения решения суда, также, требуют соблюдения критерия соразмерности, но в ином проявлении. Интересно, что предварительный и временный характер этих мер сближает их с односторонними ограничительными мерами, поэтому их рассмотрение видится целесообразным. В деле *Džinić v Croatia* имущество заявителя подверглось заморозке с целью обеспечения конфискации в связи с тем, что он совершил ряд экономических преступлений: незаконное присвоение акций компании и нецелевое использование ее средств. Однако, национальный суд наложил арест на имущество в размере значительно превышающим прибыль лица, полученную в результате преступных действий³.

ЕСПЧ подчеркнул временную природу мер, использованных в качестве обеспечительной меры. Однако, такое вмешательство должно соответствовать принципам законности, пропорциональности. Хотя первое было установлено Судом, отсутствие должной оценки соответствия стоимости арестованного имущества возможно преступному доходу привело к нарушению требования соразмерности и, следовательно, ст. 1 Протокола 1 к ЕКПЧ⁴.

Другие условия ограничения на использование имущества рассмотрены Межамериканским судом по правам человека в деле *Chaparro Álvarez and Lapo Iñiguez v Ecuador*. Мера предосторожности не должна быть чрезмерно обременительной для лица, иначе следует говорить о санкции. Суд выводит это условие при рассмотрении вопроса платы за управление замороженным имуществом, признавая ее несоразмерной мерой, поскольку она наносит

¹ Judgment of the ECHR, *James and others v. United Kingdom*, Application no. 8793/79, 21 February 1986, § 54 // HUDOC, URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57507> (дата обращения: 19.03.2025).

² Judgment of the ECHR, *The Holy Monasteries v. Greece*, Application no. 13092/87; 13984/88, 9 December 1994, § 71 // HUDOC, URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-57906> (дата обращения: 21.04.2025); Judgment of the ECHR (Grand Chamber), *Jahn and Others v. Germany*, Application no. 46720/99, 72,203/01 and 72,552/01, 30 June 2005 // HUDOC, URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-69560> (дата обращения: 21.04.2025).

³ Judgment of the ECHR, *Džinić v Croatia*. Application No 38359/13, 17 May 2016, § 51 // HUDOC, URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-162868> (дата обращения: 21.04.2025).

⁴ Там же, § 63-82.

непропорциональный ущерб лицу, которое не признано виновным¹. Также, в рамках рассматриваемого дела Судом дана оценка проблемы времени разморозки имущества после окончания судебного разбирательства: задержка в исполнении постановления о возвращении имущества усугубило положение Чапарро, который пытался устранить препятствие для осуществления правомочий собственника. Следовательно, имело место нарушение ст. 21(1) Американской конвенции о правах человека.

Использование финансовых ограничительных мер часто сопряжено с нарушением обозначенных выше условий. Так, в рамках дела *Kadi v. Commission* был оценен срок заморозки денежных средств и имущества заявителя. Он составлял десять лет, что в рамках человеческой жизни существенно, следовательно, такое вмешательство в право собственности уже не может быть однозначно оценено, как превентивная мера, поскольку продолжительность и неопределённость срока фактически лишает заявителя рассматриваемого права и придает мере уголовный характер².

Таким образом, основным критерием, подвергающимся нарушению при применении односторонних ограничительных мер, является соразмерность. Практика отражает основные проблемы, касающиеся его реализации: отсутствие компенсации в связи с экстраординарностью мер, отсутствие должной оценки обстоятельств и имущества, что приводит к чрезмерному ограничению права, введение обязанности по обеспечению управления имуществом, налагающий излишнее бремя на адресата и противоречащее обеспечительной природе мер, и нарушение требований временности, что равносильно лишению права.

¹ Judgment of Inter-American Court of Human Rights, Chaparro Álvarez and Lapo Íñiguez v Ecuador, 21 November 2007. § 193 // URL: chrome-extension://efaidnbmninnibpcjpcglclefindmkaj/https://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_170_ing.pdf (дата обращения: 21.04.2025).

² Judgment of the General Court (Seventh Chamber) of 30 September 2010. Yassin Abdullah Kadi v European Commission. Case T-85/09. § 150 // InfoCuria, URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=T-85/09&language=en> (дата обращения: 21.04.2025).

Другим случаем вмешательства в осуществление права на владение имуществом в связи с реализацией односторонних ограничительных мер является его конфискация.

Можно выделить два подхода к осуществлению конфискации. На реализацию первого впервые решилась Канада, внося изменения в Закон о специальных экономических мерах, Закон о правосудии для жертв коррумпированных иностранных должностных лиц¹. Министр иностранных дел получил право обращаться в суд с просьбой о конфискации арестованного и замороженного имущества. Особенность рассматриваемого подхода заключается в отсутствии предварительных условий для его реализации. О намерении применить этот механизм было заявлено еще 19 декабря 2022 года: потенциальным объектом конфискации стали 26 млн. долл. США, принадлежащие *Granite Capital Holdings Ltd*². Затем, 10 июня 2023 было сделано аналогичное заявление в отношении грузового самолета Ан-124-100, принадлежащего дочерней компании ООО «Авиакомпания Волга-Днепр»³. Однако, дело не дошло до обращения правительства в суд.

Этот подход может вступить в противоречие с нормами международного права. Так, существуют ряд требований к конфискации имущества, полученного преступным путем, которые применяются в случае, если имущество может быть признано инвестицией. Так, в серии публикаций UNCTAD, приводящей суммирование положений различных инвестиционных соглашений, содержатся общие для большинства из них условия для законной экспроприации: она может быть осуществлена для публичных целей, на недискриминационной основе, в соответствии с

¹ Budget Implementation Act, 2022, No. 1, Division 31 // Canada.ca. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/B-9.8595/> (дата обращения: 21.04.2025); Special Economic Measures Act (SEMA), section 5.4 // Canada.ca. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/S-14.5/page-1.html> (дата обращения: 21.04.2025).

² Canada starts first process to seize and pursue the forfeiture of assets of sanctioned Russian oligarch // URL: <https://www.canada.ca/en/global-affairs/news/2022/12/canada-starts-first-process-to-seize-and-pursue-the-forfeiture-of-assets-of-sanctioned-russian-oligarch.html> (дата обращения: 21.04.2025)

³ Government of Canada orders seizure of Russian-registered cargo aircraft at Toronto Pearson Airport // URL: <https://www.canada.ca/en/global-affairs/news/2023/06/government-of-canada-orders-seizure-of-russian-registered-cargo-aircraft-at-toronto-pearson-airport.html> (дата обращения: 21.04.2025)

надлежащей правовой процедурой и с выплатой компенсации, которая должна быть незамедлительной, адекватной и эффективной¹.

В Соглашении между Правительством СССР и Правительством Канады о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 20 ноября 1989 года содержится довольно широкое определение инвестиций, под которое подпадают любые имущественные ценности, а также ст. VI двустороннего инвестиционного соглашения предусматривает все перечисленные выше требования к конфискации. Компания «Волга-Днепр» уже инициировала разбирательство в Международном арбитражном суде при Международной торговой палате на основе упомянутого договора².

Тем не менее, подход набирает популярность, поскольку возможность узаконивания безусловной конфискации в качестве односторонней ограничительной меры обсуждается в рамках созданных в различных правовых группах³. Хотя в США она была расформирована в марте 2025 года⁴.

Второй подход заключается в конфискации доходов, полученных путем нарушения законодательства об односторонних ограничительных мерах. Такой подход реализуется в США. Так, из-за обхода ограничений со счета в банке были конфискованы денежные средства Константина Малофеева⁵. В ЕС принята Директива 2024/1226 Европейского парламента и Совета от 24 апреля

¹ Expropriation: A Sequel. United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD) Series on Issues in International Investment Agreements II (The "Pink Series"), Print: February 2013, PDF: December 2012, P. 27-57

² Пресс-релиз: Авиакомпания «Волга-Днепр» направила Канаде уведомление об арбитраже в связи с экспроприацией бизнеса и активов. URL: <https://www.volga-dnepr.com/press-center/news/4293/> (дата обращения: 21.04.2025).

³ Press Release, U.S. Dep't Justice, Attorney General Merrick B. Garland Announces Launch of Task Force KleptoCapture, (Mar. 2, 2022) // URL: <https://www.justice.gov/opa/pr/attorney-general-merrick-b-garland-announces-launch-task-force-kleptocapture> (дата обращения: 21.04.2025); Press Release, European Commission, Enforcing Sanctions Against Listed Russian and Belarussian Oligarchs: Commission's "Freeze and Seize" Task Force Steps up Work with International Partners, (Mar. 17, 2022) // URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_22_1828 (дата обращения: 21.04.2025).

⁴ Trump's Justice Department ends Biden-era task force aimed at seizing assets of Russian oligarchs // URL: <https://apnews.com/article/russia-sanctions-trump-treasury-doj-bondi-85ccedf25d5146db74d83dce01c9958c> (дата обращения: 21.04.2025).

⁵ U.S. District Court for the Southern District of New York. US v. 5,379,876.94 in US currency formerly on deposit in Sunflower Bank, N.A. Account 1101996560, held in the name of OFAC blocked account Malofeyev. 18 U.S.C. § 981 Civil Forfeiture // Justia. URL: <https://dockets.justia.com/docket/new-york/nysdce/1:2022cv10148/590284> (дата обращения: 21.04.2025).

2024 года, вводящая уголовную ответственность за обход режима односторонних ограничительных мер, в том числе, в виде конфискации средств или экономических ресурсов¹.

В литературе нередко предлагается использовать упрощенный способ конфискации с переносом бремени доказывания на заинтересованное лицо². Он базируется на презумпции преступного происхождения дохода, пока ответчиком не будет доказано обратное. Описанный метод используется с целью борьбы с коррупционными преступлениями, поскольку их расследование сопряжено со сложностями доказывания незаконного происхождения имущества. Конфискация имущества осуществляется без предварительного решения судебного органа, что может вступить в противоречие с нормами международного права, поскольку приводит к нарушению права собственности лиц. Однако, практика видит подобное вмешательство обоснованным. Так, в деле *Gogitidze et al v Georgia, ECtHR* имущество заявителей, подозреваемых в злоупотреблении должностными полномочиями и вымогательстве, было конфисковано. ЕСПЧ посчитал, что принятые меры были законными, поскольку они основаны на нормах Уголовного процессуального кодекса, Административного процессуального кодекса и специальном законодательстве, приняты в соответствии с общественными интересами, что подчеркивается компенсационным эффектом мер, который заключался в возвращении имущества предыдущему собственнику, а также соразмерными³.

Интересным является случай применения односторонних мер в виде замораживания средств и имущества в качестве обеспечительной меры перед

¹ Directive (EU) 2024/1226 of the European Parliament and of the Council of 24 April 2024 on the definition of criminal offences and penalties for the violation of Union restrictive measures and amending Directive (EU) 2018/1673, Article 10 // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2024/1226/oj/eng> (дата обращения: 19.03.2025).

² Moiseienko Anton, The Limitations of Unexplained Wealth Orders // Criminal Law Review. 2022. P. 230–241. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4708025> (дата обращения 21.04.2025)

³ Judgment of the ECHR, *Gogitidze et al v Georgia*, Application no. 36862/05, 12 May 2015, § 97-115 // HUDOC, URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-154398> (дата обращения: 21.04.2025); Judgment of the ECHR, *Arcuri et al v Italy*, Application No 52024/99, 5 July 2001 // HUDOC, URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-22586> (дата обращения: 21.04.2025).

их конфискацией. Ярким примером являются меры против незаконного присвоения. Так, в 2011 году после смены режимов в Египте и Тунисе ЕС ввел ограничения против ряда должностных лиц в этих государствах, не дожидаясь запросов о взаимной правовой помощи¹. Принятие этих ограничений обуславливалось необходимостью быстрого принятия мер, иначе возможное наказание будет неэффективным.

В деле *Ezz et al v. Council* Суд ЕС и последующих разбирательствах не усмотрел противоправности мер², однако, они подверглись критике в научном сообществе, поскольку, по сути, Совет ЕС присвоил компетенцию национальных судов в рассмотрении дел, связанных с взаимной правовой помощью³. Затем, практика начала предъявлять требования к изучению и оценке доказательственной базы при принятии решения о введении ограничений. Так, он должен тщательно и беспристрастно изучить, направленные третьим государством материалы. Это условие противоречит цели принятия таких мер, поскольку удлиняет процесс, но позволяет учесть и оценить возможные нарушения прав адресата мер⁴. Видится, что это связано с тем, что эти меры не лишены проблем, так как их применение в связи с затягиваем расследования оказалось слишком длительным⁵.

Таким образом, конфискация, равносильная наказанию, или экспроприация, проводящаяся с соблюдением определенных условий, преломляются в рамках рассматриваемого института, превращаясь в нечто

¹ Council Decision 2011/172/CFSP of 21 March 2011 concerning restrictive measures directed against certain persons, entities and bodies in view of the situation in Egypt // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/2011/172> (дата обращения 21.04.2025); Council Decision 2011/72/CFSP of 31 January 2011 concerning restrictive measures directed against certain persons and entities in view of the situation in Tunisia // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02011D0072-20220806> (дата обращения 21.04.2025).

² Judgment of the General Court (Third Chamber), 27 February 2014. Ahmed Abdelaziz Ezz and Others v Council of the European Union. Case T-256/11. § 66 // InfoCuria, URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=T-256/11&language=EN> (дата обращения: 21.04.2025).

³ Scott Crosby. The Ezz Case: Some Critical Observations: Case T-256/11 and on Appeal Case C-220/14 P. // New Journal of European Criminal Law 6(3):316-323. 2015.

⁴ Judgment of the General Court (Eighth Chamber) of 30 June 2016. CW v Council of the European Union. Case T-224/14. § 150 // InfoCuria, URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?language=en&num=T-224/14> (дата обращения: 21.04.2025).

⁵ PORTELA, Clara. Sanctioning-Kleptocrats. Assessing the EU's Misappropriation Sanctions Regimes. Sanctioning Kleptocrats, 2019.

промежуточное, что не может быть оценено положительно. Смещение категорий лишь увеличивает количество противоречий и спорных вопросов, усложняет квалификацию односторонних мер в рамках международного права и, как следствие, нарушает права адресата, прежде всего, права на владение имуществом.

На универсальном уровне вопрос правомерности односторонних ограничительных мер преломляется через призму нарушения международных договоров. Право собственности будет предметом спора в Международном Суде ООН, если в договоре наряду с обязательством его защиты установлена юрисдикционная оговорка, в которой участники признают его юрисдикцию.

Одним из самых значимых и известных случаев обращения в Международный Суд ООН является иск, поданный Исламской Республикой Иран в 2016 году в связи с односторонними мерами, введенными США. После Иран обратился в Международный Суд во второй раз в 2018 году в связи с выходом США из Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе. Также, основанием для обращения было предполагаемое нарушение обязательств, закрепленных в Договоре о дружбе, экономических отношениях и консульских правах 1955 года (далее – Договор о дружбе) и норм международного права об иммунитете. Меры предусматривали заморозку иранских активов, позволяли частным лицам подавать иски в национальные суды против Ирана, накладывали ограничения на компании, которые инвестировали более 40 миллионов долларов в год в нефтегазовую промышленность Ирана. Иран был внесен в список государств-спонсоров терроризма, а в Закон об иммунитете иностранных государств внесены изменения о пренебрежении юрисдикционным иммунитетом при необходимости возмещения денежных убытков жертвам терроризма.

Даже признавая наличие общественно значимой цели ареста имущества Ирана в виде дальнейшей компенсации жертвам терроризма, Суд решил, что ст. 201(a) *Terrorism Risk Insurance Act* 2002 года (далее – TRIA) охватывает

чрезмерно широкий круг лиц, относя к имуществу, которое может быть заблокировано, сами компании или доли в них¹. Следовательно, под воздействие меры подпадало практически любое юридическое лицо, независимо от типа и наличия контроля со стороны Ирана². В связи с этим Суд усмотрел нарушение п. 1 ст. IV Договора о Дружбе, устанавливающей обязанность воздерживаться от необоснованных и дискриминационных мер, в том числе, по отношению к имуществу лиц, поскольку мера приводит к чрезмерному ущемлению прав иранских компаний.

П. 2 ст. IV Договора о Дружбе устанавливает аналогичные упомянутым выше основания для ограничения права собственности, в частности, конфискация имущества возможна только в общественных целях и при условии выплаты справедливой компенсации. Суд усмотрел, что установленная законодательством США мера в виде изъятия имущества является неразумной, поскольку сопровождалась отказом в правосудии. Следовательно, мера является изъятием в нарушение упомянутого выше положения³.

Таким образом, несоблюдение требований, позволяющих ограничивать право, приводит к его нарушению. Следовательно, одним из условий правомерности односторонних ограничительных мер является строгое соответствие нормам о правах человека.

Выше были рассмотрены и перечислены условия, при которых право на владение имуществом может быть ограничено государством. Практика признает, что односторонние ограничительные меры могут отвечать этим условиям, однако все же остается неопределенным соответствие критерию справедливости или разумности. Но неопределенность статуса института направляет вектор рассуждения в сторону вопроса о рассмотрении его как

¹ H.R.3210 - Terrorism Risk Insurance Act of 2002 // CONGRESS.GOV. URL:

<https://www.congress.gov/bill/107th-congress/house-bill/3210/text> (дата обращения: 21.04.2025).

² ICJ. Certain Iranian Assets (Islamic Republic of Iran v. United States of America). Judgment of 30 March 2023. § 150, 156 // ICJ-CIJ.ORG. URL: <https://www.icj-cij.org/case/164> (дата обращения: 21.04.2025).

³ Там же, § 184, 186, 187.

основания для отступления от осуществления права. Возможность такого отступления закреплена в ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года, ст. 15 ЕКПЧ, ст. 27 Американской конвенции о защите человека 1969 г.

Комитет по правам человека в Замечании общего порядка №29 2001 года¹, толкуя ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических прав, выделил два основания для такого отступления: объявление чрезвычайного положения и уведомление других участников договоров, содержащие информацию о мерах, причинах их введения и документацию о действующем законодательстве.

Причинами отступления от обязательств могут быть ситуации, угрожающие жизни нации, которые согласно Сиракузским принципам характеризуется тем, что затрагивают все население, территорию государства или ее часть; угрожают физической неприкосновенности населения, независимости и территориальной целостности государства, основу функционирования его институтов. Следовательно, политический интерес или события, происходящие на территории третьих государств, не отвечают признакам чрезвычайности ситуации.

Так, в рассматриваемом Комитетом по правам человека деле *Nabil Sayadi and Patricia Vinck v. Belgium*, санкционный режим, установленный СБ ООН и реализуемый отдельными государствами, не был необходим для обеспечения национальной безопасности, поэтому является нарушением прав заявителей². Кроме того, чрезвычайное положение, вводимое государствами по ряду оснований, также, не может считаться в достаточной степени обоснованными с точки зрения отступления от обязательств по защите прав человека. Так, специальный докладчик по вопросу о негативном воздействии

¹ Комитет по правам человека. Замечание общего порядка 29. Отступление от прав в связи с чрезвычайным положением (статья 4). Принято на 1950-м заседании 24 июля 2001 года.

² HRCtee Communication No. 1472/2006, *Sayadi and Vinck v. Belgium*, CCPR/C/94/D/1472/2006, Views adopted on 22 October 2008 // JURIS.OHCHR.ORG. URL: <https://juris.ohchr.org/casedetails/1477/en-US> (дата обращения: 21.04.2025).

односторонних ограничительных мер на осуществления прав человека Елена Довгань и эксперт по вопросу о правах человека и международной солидарности Обиора Окафор осудили использование США чрезвычайного положения в качестве предлога для введения односторонних мер. Оно длится довольно долго, и причины введения, среди которых нарушение прав человека или коррупционные преступления в третьих странах, не представляют внешнего риска для США. При этом чрезвычайное положение, вводимое президентом США на основании *National Emergencies Act*¹ и *International Emergency Economic Powers Act*², дает ему широкую дискрецию в этом вопросе, хотя наблюдается фактическое отступление от обязательств³.

Таким образом, односторонние ограничительные меры не могут быть оправданием для отступления от осуществления прав человека, поскольку причины сводятся к внешнеполитическим интересам государства, которые не могут быть признаны угрожающими жизни нации. Чрезвычайное положение, используемое государствами в качестве основания для введения мер, является злоупотреблением, поскольку не соответствует требованиям международного права.

¹ H.R.3884 - National Emergencies Act // CONGRESS.GOV. URL: <https://www.congress.gov/bill/94th-congress/house-bill/3884> (дата обращения: 21.04.2025).

² The International Emergency Economic Powers Act, Section 206 // govinfo.gov. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-1079/pdf/COMPS-1079.pdf> (дата обращения: 21.04.2025).

³ Press releases, Permanent state of emergency cannot be used as a justification or ground for unilateral sanctions 04 March 2021 // URL: <https://www.ohchr.org/en/press-releases/2021/03/permanent-state-emergency-cannot-be-used-justification-or-ground-unilateral> (дата обращения: 21.04.2025); Alena Douhan, Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights, Michael Fakhri, Special Rapporteur on the right to food, Cecilia Jimenez-Damary, Special Rapporteur on the human rights of internally displaced persons, Obiora C. Okafor, Independent Expert on human rights and international solidarity. Mandates of the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights; the Special Rapporteur on the right to food; the Special Rapporteur on the human rights of internally displaced persons; and the Independent Expert on human rights and international solidarity / OL USA 5/2021, 29 January 2021.

Заключение.

В данной работе были исследованы принудительные меры и их влияние на осуществление прав человека, в частности, на право на справедливое судебное разбирательство и на право владение имуществом. Также, был рассмотрен вопрос правомерности мер. На основании проделанной работы получены следующие выводы:

1. Терминологическая проблема решается разграничением понятий «санкции» и «односторонние ограничительные меры» в зависимости от источника принятия: первые принимаются СБ ООН, вторые – отдельными государствами. Хотя эффект мер идентичен, отношение международного сообщества к институтам разное.

2. Международная практика сменила курс на применение целенаправленных мер вместо всеобъемлющих, поскольку неэффективность вторых сопровождалась массовым нарушением прав человека: они имели разрушительный характер и отбрасывали государство в развитии на несколько лет назад.

3. Вопрос соответствия рассматриваемого института международному праву довольно многогранен и включает вопросы от возможного нарушения принципов невмешательства во внутренние дела государства и суверенного равенства государств до ограничения или лишения лиц принадлежащих им прав.

4. При соблюдении необходимых требований и условий односторонние ограничительные меры могут быть признаны реторсиями, контрмерами или контрмерами третьих государств. Однако, практика свидетельствует о несоответствии рассматриваемого института условиям, обозначенным в Проекте статей об ответственности государств, следовательно, односторонние меры должны быть изучены и охарактеризованы независимо от схожих механизмов.

5. Принятие односторонних ограничительных мер не является нарушением принципа неприменения силы и угрозы силой, поскольку термин

«сила» толкуется в узком смысле и не включает в себя экономическое и политическое принуждение.

6. Нарушение принципа невмешательства во внутренние дела государства посредством применения односторонних мер все еще является дискуссионным вопросом. Хотя ряд резолюций Генеральной Ассамблеи ООН содержат нормы, свидетельствующие о квалификации применения экономических и политических мер в качестве неправомерного вмешательства и запрещают соответствующие меры, они носят лишь рекомендательный характер.

7. Признание односторонних ограничительных мер нарушением в рамках международного права не может быть признано обычаем, поскольку не наблюдаются признаки его существования, как общей практики, так и *opinio juris*. Напротив, можно заметить интенсификацию применения соответствующих мер.

8. Однозначно установлено несоблюдение принципов юрисдикции путем экстерриториального применения односторонних мер, что, однако, не встречает сопротивления, поскольку негативный эффект нивелируется схожестью мер и обширностью применения института.

9. Можно констатировать нарушение права на справедливое судебное разбирательство, поскольку практика демонстрирует несоблюдение отдельных его элементов. Право быть заслушанным нарушается в связи с обеспечением приоритета публичного интереса, что приводит к принятию ограничений без должного уведомления и предоставления лицу возможности выразить свое мнение. Также, нарушается право на доступ к правосудию в связи прямыми законодательными запретами, либо в связи с невозможностью последующего исполнения решений. Последнее, также, приводит к задержкам судебного разбирательства. В связи с отсутствием возможности провести расследование изложение причин принятия мер, а также доказательства в суде не отвечают требованиям достаточности, допустимости и достоверности. Как правило, основным источником информации, которая используется как

доказательственная база, является пресса. Следовательно, тщательная проверка и оценка почти нереализуемы. Кроме того, решения суда часто не могут быть исполнены либо в связи с игнорированием их уполномоченным органом, либо в связи с противоречивостью различных режимов односторонних ограничительных мер.

10. Научное сообщество делает вывод о гибридной природе рассматриваемого института, поскольку механизм принятия говорит об административном характере мер, направленных на предотвращение определенного поведения, однако последствия для адресов схожи с уголовными санкциями в связи с чрезмерным ограничением их прав. Следовательно, возникает вопрос о необходимости соблюдения уголовно-правовых принципов, являющихся элементами права на справедливое судебное разбирательство. Так, наблюдается нарушение презумпции невиновности, поскольку меры, схожие с наказанием, применяются до признания адресата виновным в установленном порядке, предполагающим гарантии для защиты прав лица. Напротив, в контексте ограничительных мер применяется обратный принцип – презумпция противоправности.

11. Нарушение права на владение имуществом проявляется в неправомерном вмешательстве в его осуществление в виде заморозки или конфискации без соблюдения необходимых условий, прежде всего, соразмерности. Так, наблюдается отсутствие компенсации, напротив, возможно наложение бремени в виде обязанности обеспечивать управление имуществом. Кроме того, при непроведении должной оценки имущества, адресат мер лишается возможности использования имущества в большем размере, чем требуется для реализации поставленной цели, что является чрезмерным ограничением.

12. Наблюдается тенденция на применение конфискации, обусловленной лишь принятием односторонних ограничительных мер, в отношении собственника, что является нарушением права на владение имуществом, поскольку не предполагает ни компенсации, ни вынесения

решения суда. При этом односторонние меры не могут применяться в качестве отступления от реализации прав человека, поскольку основания их принятия не отвечают требованию серьезности, то есть они не могут быть признаны угрожающими жизни нации.

Список использованной литературы.

Монографии.

1. Дораев М. Г. Экономические санкции в праве США, Европейского Союза и России. М., 2016.
2. Жданов Ю.Н. Принудительные меры в международном праве. М., 1999.
3. Крицкий К.В. «Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном праве». Диссертация. 2019.
4. Крицкий К.В. «Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном праве». Диссертация. 2019.
5. Лукашук И.И. Право международной ответственности. М., 2004.
6. Лукашук И.И., Наумов А.В. Международное уголовное право. М., 1999.
7. Маринич С.В. Экономические санкции в международном праве. Диссертация. 1989.
8. Старженецкий В.В. Россия и Совет Европы: Право собственности. М., 2004.
9. Cedric Ryngaert, *Jurisdiction in International Law* // Second edition, Oxford University Press. 2015.

Публикации в периодике (газеты, журналы).

1. Нешатаева Т.Н. Защита собственности в Европейском Суде по правам человека и арбитражных судах // Арбитражная практика № 3, 2006.
2. «Односторонние принудительные меры: понятие, виды и квалификация. Доклад Специального докладчика по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека Елены Довгань», A/HRC/48/59 // Генеральная Ассамблея ООН. OHCHR.ORG. URL: <https://www.ohchr.org/ru/documents/thematic-reports/ahrc4859-report->

[notion-characteristics-legal-status-and-targets](#) (дата обращения: 19.03.2025).

3. Марк Боссайт, Обзор дальнейших событий, которыми занимается или может заниматься подкомиссия. Неблагоприятные последствия экономических санкций для осуществления прав человека. Рабочий документ. Экономический и социальный совет, Комиссия по правам человека, Подкомиссия по поощрению и защите прав человека. 52 сессия // UN.ORG. URL: https://digitallibrary.un.org/record/419880/files/E_CN.4_Sub.2_2000_33-RU.pdf (дата обращения: 19.03.2025).

4. Майкл Вуд, специальным докладчик. Четвертый доклад по теме «Выявление международного обычного права», A/CN.4/695. // Комиссия международного права. Шестьдесят восьмая сессия. Женева, 2 мая — 10 июня и 4 июля — 12 августа 2016 года. UN.ORG. URL: <https://docs.un.org/ru/A/CN.4/695> (дата обращения: 19.03.2025).

5. Майкл Вуд, специальным докладчик. Третий доклад по теме «Выявление международного обычного права», A/CN.4/682. // Комиссия международного права. Шестьдесят седьмая сессия. Женева, 4 мая — 5 июня и 6 июля — 7 августа 2015 года. UN.ORG. URL: <https://docs.un.org/ru/A/CN.4/682> (дата обращения: 19.03.2025).

6. Aksenova Marina. Targeted Sanctions – Enforcing International Norms Through the Backdoor? // European Journal of International Law. URL: https://www.ejiltalk.org/targeted-sanctions-enforcing-international-norms-through-the-backdoor/?utm_source.com (дата обращения: 19.03.2025).

7. Hartmut Brosche, The Arab Oil Embargo and United States Pressure against Chile: Economic and Political Coercion and the Charter of the United Nations // Case Western Reserve Journal of International Law, Volume 7. 1974.

8. Scott Crosby. The Ezz Case: Some Critical Observations: Case T-256/11 and on Appeal Case C-220/14 P. // *New Journal of European Criminal Law* 6(3):316-323. 2015.
9. Hofer A., The Developed/Developing Divide on Unilateral Coercive Measures: Legitimate Enforcement or Illegitimate Intervention? // *Chinese Journal of International Law*. 2017.
10. C. Golay and L. Cismas "Legal Opinion: The Right to Property from a Human Rights Perspective" // *International Centre for Human Rights and Democratic Development*. 2010.
11. Y. Kerbrat. Unilateral Extraterritorial Sanctions as a Challenge to the Theory of Jurisdiction? // C. Beaucillon (ed.), *Research Handbook on Unilateral and Extraterritorial Sanctions* (Edward Elgar Publishing, 2021).
12. Moiseienko Anton, The Limitations of Unexplained Wealth Orders // *Criminal Law Review*. 2022. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4708025> (дата обращения 21.04.2025).
13. R Mohamad. Unilateral Sanctions in International Law: A Quest for Legality // AZ Marossi and MR Bassett (eds), *Economic Sanctions Under International Law: Unilateralism, Multilateralism, Legitimacy, and Consequences*. TMC Asser Press. 2015.
14. Nagel, Anna. Unilateral Extraterritorial Sanctions: The Search for a Jurisdictional Justification under International Law. // *LSE Law Review*. 2023.
15. PORTELA, Clara. Sanctioning-Kleptocrats. Assessing the EU's Misappropriation Sanctions Regimes. *Sanctioning Kleptocrats*, 2019.
16. Natalino Ronzitti, *Sanctions as Instruments of Coercive Diplomacy: An International Law Perspective in Coercive Diplomacy* // *Sanctions and International Law* Edited by Natalino Ronzitti.
17. David E Sanger, Wal-Mart Canada Is Putting Cuban Pajamas Back on Shelf // *The New York Times*. 14 March 1997. URL:

<https://www.nytimes.com/1997/03/14/business/wal-mart-canada-is-putting-cuban-pajamas-back-on-shelf.html>. (дата обращения: 20.03.2025).

18. Sepulveda M., Banning T. Universal and Regional Human Rights Protection: Cases and Commentaries // San José: University for Peace, 2004.

19. The Charter of the United Nations: a commentary / edited by Bruno Simma ... [and others]; assistant editor Nikolai Wessendorf // Oxford University Press. Third edition. 2012.

20. Expropriation: A Sequel. United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD) Series on Issues in International Investment Agreements II (The "Pink Series"), Print: February 2013, PDF: December 2012.

Международно-правовые документы.

1. Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года // UN.ORG. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 19.03.2025).

2. Женевская конвенция об обращении с военнопленными (третья Женевская конвенция) (Женева, 12 августа 1949 года) // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15249&cacheid=BE4CBB38DEA124B12358B9B5320C72C5&mode=splus&rnd=pvnPI6V6tKvRogvJ#bksPI6V3TEAK1X8J> (дата обращения: 01.03.2025).

3. Конвенция о статусе беженцев. Принята 28 июля 1951 года Конференцией полномочных представителей по вопросу о статусе беженцев и апатридов, созданной в соответствии с резолюцией 429 (V) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1950 года // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15154>

<https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=16741&cacheid=8D352B3E06244110A5EE6F728401F6E6&mode=splus&rnd=6DhPNQ#cPtZI6V1a7bwiEu7> (дата обращения: 19.03.2025).

4. Конвенция о статусе апатридов. Принята 28 сентября 1954 года Конференцией полномочных представителей, созванной в соответствии с резолюцией 526 А (XVII) Экономического и Социального Совета от 26 апреля 1954 года // СПС КонсультантПлюс. URL:

<https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=16741&cacheid=C2929D2E6649BBB1A2631F9D247E4857&mode=splus&rnd=6DhPNQ#ABBaI6VmQO5qVs0s1> (дата обращения: 19.03.2025).

5. Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета Принята резолюцией 2131 (XX) Генеральной Ассамблеи от 21 декабря 1965 года // UN.ORG. URL:

https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/inadmissibility_of_intervention.shtml (дата обращения: 21.04.2025).

6. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Принята резолюцией 2106 (XX) Генеральной Ассамблеи от 21 декабря 1965 года // СПС КонсультантПлюс. URL:

<https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15156&cacheid=36F28FD8D59B3A926E723D0A60BE8BA3&mode=splus&rnd=6DhPNQ#loKaI6V4yUwH0kpn> (дата обращения: 19.03.2025).

7. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года // UN.ORG. URL:

https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 19.03.2025).

8. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между

государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года // UN.ORG. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 21.04.2025).

9. Хартия экономических прав и обязанностей государств Принята резолюцией 3281 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 1974 года // UN.ORG. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/rights_and_duties.shtml (дата обращения: 21.04.2025).

10. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) (Женева, 8 июня 1977 года) // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=7119&cacheid=08C79ABBE8B78E1F1191D8C0CB3A611D&mode=splus&rnd=6DhPNQ#JnsQI6VYBVyZYIMv1> (дата обращения: 01.03.2025).

11. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол II) (Женева, 8 июня 1977 года) // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15493&cacheid=08C79ABBE8B78E1F1191D8C0CB3A611D&mode=splus&rnd=6DhPNQ#dUDRI6Vgv1Wh1d001> (дата обращения: 01.03.2025).

12. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1979 года // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15158&dst=1000000001&cacheid=3630A94EC8BBF5C54C1AD2C619D05DE6>

https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/internal_affairs_decl.shtml (дата обращения: 19.03.2025).

13. Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств. Принята резолюцией 36/103 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1981 года // UN.ORG. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/internal_affairs_decl.shtml (дата обращения: 21.04.2025).

14. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1984 года) // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15041&cacheid=CA23EA137222C929C81CC4B2235D3858&mode=splus&rnd=6DhPNQ#iPeRI6VCQAcTBRAF2> (дата обращения: 01.03.2025).

15. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г. № 1998/57. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, A/RES/40/34 // UN.ORG. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/482/61/IMG/NR048261.pdf?OpenElement> (дата обращения: 19.03.2025).

16. Венская декларация и Программа действий. Принята на Всемирной конференции по правам человека в Вене 25 июня 1993 года // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15149&cacheid=54E85F637BAE73563CABB24B621ABCD9&mode=splus&rnd=ui8WO6VCMCub52NH2#45CWO6VSWV4UuUbN1> (дата обращения: 19.03.2025).

17. Римский статут Международного уголовного суда. Заключительный акт Дипломатической конференции полномочных представителей под эгидой ООН по учреждению Международного

уголовного суда от 17 июля 1998 г. // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=4226&dst=1000000001&cacheid=A3B71A5819F03316F365E5B931CC8C0A&mode=splus&rnd=6DhPNQ#P5zRI6VmlslzaAv3> (дата обращения: 01.03.2025).

18. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=49923&cacheid=83C261404E96269B19144AE675F5D936&mode=splus&rnd=6DhPNQ#M9ZcI6VhI87BS2x5> (дата обращения: 19.03.2025).

19. Протокол №1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, г. Париж, 20.III.1952 г., ст. 1 // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=5395&cacheid=D1399ED401D05058DD2B4B0A530DB3B1&mode=splus&rnd=6DhPNQ#zReaI6V46pUco97o> (дата обращения: 19.03.2025).

20. Протокол №6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни, г. Страсбург, 28.IV.1983 г. // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=5397&cacheid=5A9F8A92D13CCDB5248AE2A735EC0A46&mode=splus&rnd=6DhPNQ#0J0TI6VM1r1GwLyS1> (дата обращения: 01.03.2025);

21. Протокол №7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, г. Страсбург, 22.XI.1984 г. // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=5398&cacheid=7BDF116328C93A1D97EBAA8D24FD85D1&mode=splus&rnd=6DhPNQ#2sCTI6V0K3VTE3q6> (дата обращения: 01.03.2025);

22. Протокол №13 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни в любых

обстоятельствах, г. Вильнюс, 3.V.2002 г. // СПС КонсультантПлюс.

URL:

<https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=12790&cacheid=982E6F8261DC06F00B6F40D7201F978E&mode=splus&rnd=6DhPNQ#A3VTI6VU9JITwBpu> (дата обращения: 01.03.2025).

23. Charter of fundamental rights of the European Union (2007/c 303/01) // EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/treaty/char_2007/oj/eng (дата обращения: 19.03.2025).

24. Directive (EU) 2024/1226 of the European Parliament and of the Council of 24 April 2024 on the definition of criminal offences and penalties for the violation of Union restrictive measures and amending Directive (EU) 2018/1673 // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2024/1226/oj/eng> (дата обращения: 19.03.2025).

25. Convention on International Access to Justice (Hague, 25 October 1980). Hague Conference on Private International Law Documents // HCCH. URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=91> (дата обращения: 19.03.2025).

Перечень материалов судебной практики.

1. ICJ, Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (Belgium v Spain), Judgment 1970 // ICJ-CIJ.ORG. URL: <https://www.icj-cij.org/case/50> (дата обращения: 19.03.2025).

2. ICJ, Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States), Judgment of 27 June 1986 // ICJ-CIJ.ORG. URL: <https://www.icj-cij.org/case/70> (дата обращения: 21.04.2025).

3. ICJ, Ahmadou Sadio Diallo (Republic of Guinea v Democratic Republic of the Congo). Preliminary Objections, Judgment. 2007 // ICJ-CIJ.ORG. URL: <https://www.icj-cij.org/case/103> (дата обращения: 19.03.2025).

4. ICJ, Certain Iranian Assets (Islamic Republic of Iran v. United States of America). Judgment of 13 February 2019 // ICJ-CIJ.ORG. URL: <https://www.icj-cij.org/case/164> (дата обращения: 21.04.2025).
5. ICJ, Jadhav Case (India v. Pakistan), Judgment of 17 July 2019 // ICJ-CIJ.ORG. URL: <https://www.icj-cij.org/case/168> (дата обращения: 19.03.2025).
6. ICJ, Jadhav Case (India v. Pakistan), Judgment of 17 July 2019, Declaration of Judge Robinson // ICJ-CIJ.ORG. URL: <https://www.icj-cij.org/case/168> (дата обращения: 19.03.2025).
7. ICJ, Certain Iranian Assets (Islamic Republic of Iran v. United States of America). Judgment of 30 March 2023 // ICJ-CIJ.ORG. URL: <https://www.icj-cij.org/case/164> (дата обращения: 21.04.2025).
8. Judgment of the ECHR, Golder v. The UK, 21 February 1975 // HUDOC, URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57496> (дата обращения: 19.03.2025).
9. Judgment of the ECHR, Sporrong and Lonroth v. Sweden, Application no. 7151/75; 7152/75, 23 September 1982 // HUDOC, URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57580> (дата обращения: 19.03.2025).
10. Judgment of the ECHR, James and others v. United Kingdom, Application no. 8793/79, 21 February 1986 // HUDOC, URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57507> (дата обращения: 19.03.2025).
11. Judgment of the ECHR, The Holy Monasteries v. Greece, Application no. 13092/87; 13984/88, 9 December 1994 // HUDOC, URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-57906> (дата обращения: 21.04.2025).
12. Judgment of the ECHR, Pressos Compania Naviera S.A. and others v. Belgium, 20 November 1995 // HUDOC, URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=002-10153> (дата обращения: 19.03.2025).
13. Judgment of the ECHR, Matos e Silva, Lda., and Others v. Portugal, Application no. 15777/89, 16 September 1996 // HUDOC, URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58063> (дата обращения: 19.03.2025).

14. Judgment of the ECHR (Grand Chamber), *Beyeler v. Italy*, Application No 33202/96, 5 January 2000 // HUDOC, URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-58832> (дата обращения: 19.03.2025).

15. Judgment of the ECHR, *Arcuri et al v Italy*, Application No 52024/99, 5 July 2001 // HUDOC, URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-22586> (дата обращения: 21.04.2025).

16. Judgment of the ECHR (Grand Chamber), *Jahn and Others v. Germany*, Application no. 46720/99, 72,203/01 and 72,552/01, 30 June 2005 // HUDOC, URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-69560> (дата обращения: 21.04.2025).

17. Judgment of the ECHR, *Gogitidze et al v Georgia*, Application no. 36862/05, 12 May 2015 // HUDOC, URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-154398> (дата обращения: 21.04.2025).

18. Judgment of the ECHR, *Džinić v Croatia*. Application No 38359/13, 17 May 2016 // HUDOC, URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-162868> (дата обращения: 21.04.2025).

19. Judgment of the ECHR (Grand Chamber), *Al-Dulimi and Montana Management Inc. v. Switzerland*, Application No. 5809/08, 21 June 2016 // HUDOC, URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-164515> (дата обращения: 19.03.2025).

20. Judgment of the Inter-American Court of Human Rights, *Velásquez-Rodríguez v. Honduras*, 26 June 1987 // CORTEIDH.OR.CR. URL: chrome-extension://efaidnbnmnnibpcajpegkclefindmkaj/https://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_04_ing.pdf (дата обращения: 19.03.2025).

21. Judgment of Inter-American Court of Human Rights, *Mayagna (Sumo) Awas Tingni v. Nicaragua*, 31 August 2001 // CORTEIDH.OR.CR. URL: chrome-extension://efaidnbnmnnibpcajpegkclefindmkaj/https://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_79_ing.pdf (дата обращения: 19.03.2025).

22. Judgment of Inter-American Court of Human Rights, Chaparro Álvarez and Lapo Íñiguez v Ecuador, 21 November 2007 // CORTEIDH.OR.CR. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_170_ing.pdf (дата обращения: 21.04.2025).

23. Judgment of Inter-American Court of Human Rights, Saramaka People v. Suriname, 28 November 2007 // CORTEIDH.OR.CR. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_172_ing.pdf (дата обращения: 19.03.2025).

24. Judgment of the African Court on Human and Peoples' Rights, Amnesty International v. Zambia, 05 May 1999 // AfricanLII. URL: <https://africanlii.org/akn/aa-au/judgment/achpr/1999/1/eng@1999-05-05> (дата обращения: 19.03.2025).

25. Judgment of the Court of First Instance (Second Chamber) of 12 December 2006. Organisation des Modjahedines du peuple d'Iran v Council of the European Union. Case T-228/02 // InfoCuria, URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?language=en&num=T-228/02> (дата обращения: 19.03.2025).

26. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 3 September 2008. Yassin Abdullah Kadi and Al Barakaat International Foundation v Council of the European Union and Commission of the European Communities, Joined cases C-402/05 P and C-415/05 P // InfoCuria, URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-402/05> (дата обращения: 19.03.2025).

27. Judgment of the General Court (Seventh Chamber) of 30 September 2010. Yassin Abdullah Kadi v European Commission. Case T-85/09 // InfoCuria, URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=T-85/09&language=en> (дата обращения: 21.04.2025).

28. Judgment of the Court (Grand Chamber), 18 July 2013. European Commission and Others v Yassin Abdullah Kadi (ECJ, Kadi II Judgment 2013). Joined Cases C-584/10 P, C-593/10 P and C-595/10 P // InfoCuria, URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=584/10&language=en> (дата обращения: 19.03.2025).

29. Judgment of the General Court (Sixth Chamber) of 13 September 2013. Issam Anbouba v Council of the European Union. Appeal. Case T-592/11 // InfoCuria, URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-630/13&language=en> (дата обращения: 21.04.2025).

30. Judgment of the General Court (Third Chamber), 27 February 2014. Ahmed Abdelaziz Ezz and Others v Council of the European Union. Case T-256/11 // InfoCuria, URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=T-256/11&language=EN> (дата обращения: 21.04.2025).

31. Judgment of the General Court (Sixth Chamber, Extended Composition), 16 October 2014. Liberation Tigers of Tamil Eelam (LTTE) v Council of the European Union. Joined Cases T-208/11 and T-508/11 // InfoCuria, URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=T-208/11&language=EN> (дата обращения: 19.03.2025).

32. Judgment of the General Court (Eighth Chamber) of 30 June 2016. CW v Council of the European Union. Case T-224/14 // InfoCuria, URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?language=en&num=T-224/14> (дата обращения: 21.04.2025).

33. Judgment of the General Court (Ninth Chamber, Extended Composition) of 15 September 2016. Viktor Fedorovych Yanukovych v Council of the European Union. Case T-346/14 // EUR-Lex, URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:62014TJ0346> (дата обращения: 19.03.2025).

34. Judgment of the General Court (Seventh Chamber) of 26 October 2016. Mohamad Hamcho and Hamcho International v Council of the

European Union. Case T-153/15. // InfoCuria, URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?lgrec=fr&td=%3BALL&language=en&num=T-153/15%20R&jur=T> (дата обращения: 19.03.2025).

35. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 6 September 2017, Intel Corp. v European Commission, Case C-413/14 P // InfoCuria, URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-413/14> (дата обращения: 19.03.2025).

36. Judgment of the Court (Seventh Chamber) of 17 September 2020. PAO Rosneft Oil Company and Others v Council of the European Union. Appeal. Case C-732/18 P // InfoCuria, URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-732/18> (дата обращения: 19.03.2025).

37. Judgment of the Court (First Chamber) of 11 November 2021. Bank Sepah v Overseas Financial Limited and Oaktree Finance Limited. Request for a preliminary ruling from the Cour de cassation. Case C-340/20 // InfoCuria, URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?lgrec=fr&td=%3BALL&language=en&num=C-340/20&jur=C> (дата обращения: 19.03.2025).

38. Judgment of the General Court (First Chamber) of 6 September 2023. Pumpyanskiy v. Council, General Court, First Chamber, Case T-270/22 // InfoCuria, URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=T-270/22&language=en> (дата обращения: 21.04.2025).

39. Judgment of the General Court (First Chamber) of 10 April 2024. Petr Aven v Council of the European Union. Case T-301/22. // InfoCuria, URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?language=en&td=ALL&num=T-301/22> (дата обращения: 01.03.2025)

40. Judgment of the General Court (First Chamber) of 10 April 2024. Mikhail Fridman v Council of the European Union. Case T-304/22. // InfoCuria, URL:

<https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?language=en&td=ALL&num=T-304/22>

(дата обращения: 01.03.2025).

41. Judgment of the Court (Second Chamber) of 5 September 2024. GM and ON v PR. Request for a preliminary ruling from the Landgericht Berlin. Case C-109/23 // EUR-Lex, URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62023CJ0109> (дата обращения: 21.04.2025).

42. Judgment of the General Court (Grand Chamber) of 2 October 2024. Ordre néerlandais des avocats du barreau de Bruxelles and Others v Council of the European Union. Case T-797/22. // InfoCuria, URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=290608&pageIndex=0&doclang=en&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=307611> (дата обращения: 21.04.2025).

43. Judgment of the General Court of 2 October 2024 – Ordre des avocats à la cour de Paris and Couturier v Council. Case T-798/22 // EUR-Lex, URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/C/2024/6935/oj/eng> (дата обращения: 21.04.2025).

44. Judgment of the General Court (Grand Chamber) of 2 October 2024. ACE-Avocats, ensemble v Council of the European Union. Case T-828/22 // InfoCuria, URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=290616&pageIndex=0&doclang=FR&mode=req&dir=&occ=first&part=1&cid=14827175> (дата обращения: 21.04.2025).

45. Judgment of the General Court (First Chamber), 26 June 2024, Case T 740/22, Pumpyanskiy v Council // InfoCuria, URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=287602&pageIndex=0&doclang=en&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=9828965> (дата обращения: 21.04.2025).

46. Judgment of the General Court (First Chamber), 2 April 2025, Case T 272/24, Pumpyanskiy v Council // EUR-Lex, URL: <https://eur->

lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:62024TJ0272

(дата

обращения: 21.04.2025).

47. Hague District Court, *Campagnie Europeenne Des Petroles S.A. v Sensor Nederland BV*. 1982. // *International Legal Materials*. Volume 22, Issue 1. P. 66-74.

48. United States District Court Southern District of New York. *United States of America v BNP Paribas*, 30 June 2014 // JUSTICE.GOV. URL: www.justice.gov/sites/default/files/opa/legacy/2014/06/30/statement-of-facts.pdf (дата обращения: 19.03.2025)

Дата: 28.04.2025

Чернавцева Кристина Геннадиевна

_____ /Чернавцева К.Г./